

Олег С. Федюшин

Украинская революция. 1917-1918

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617215
Украинская революция. 1917–1918: Центрполиграф; М.: 2007
ISBN 978-5-9524-2842-3

Аннотация

Период 1917—1918 годов явился кризисным и трагическим в истории Украины и других государств, образовавшихся на руинах Российской империи. Глубокое исследование профессора О.С.Федюшина касается не только экспансии Германии на Восток, но и проблем Крыма, Черноморского бассейна, польского вопроса, а также взаимоотношений России и Германии. Детально анализируются усилия Германии по свержению Рады и установлению гетманства генерала Скоропадского. Ученый основывается на немецких и австрийских архивных материалах, которые после падения Берлина в 1945 году были захвачены союзниками. Федюшин представляет разные точки зрения на сложнейшие политические вопросы и корректно излагает свое видение проблемы, давая четкую оценку политике Германии на Востоке.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Олег Федюшин

Украинская революция. 1917–1918

Посвящается Ирине

Предисловие

Цель книги двоякая: объяснить несколько упущенный аспект германской восточной политики в период Первой мировой войны и способствовать лучшему пониманию наиболее критической фазы украинской национальной революции 1917—1918 годов. Это было время, когда украинское движение добилось несколько впечатляющих побед и тем не менее претерпело свои самые тяжелые неудачи.

Я намеревался представить глубокое, обстоятельное и полностью документированное толкование как немецкой оккупации, так и украинского национального движения в этот период. Фактически немецкие и австрийские архивные материалы, на которых главным образом основывается книга, не были доступны ученым-исследователям после окончания Второй мировой войны. Относящиеся к теме документы союзники захватили после падения Берлина, их доставили в Соединенные Штаты для изучения и микросъемки. Установленным порядком их вернули западногерманскому правительству в Бонне.

Рассматриваемая в этой книге проблема к тому моменту, когда я занялся ею, практически не была изучена, поэтому два блестящих исследования, вышедших в 1950 году: «Украинская революция, 1917—1920 гг.» Джона С. Решетэра и «Образование Советского Союза: коммунизм и национализм, 1917—1923 гг.» Ричарда Пайпса — оказались весьма полезны. Первое представляет собой ценный аналитический материал по немецкой оккупации Украины, основанный на опубликованных источниках, второе трактует события того периода в более широком аспекте социальных и национальных революций нерусских народностей, населявших Российскую империю. Именно тогда, когда я писал свою книгу, немецкая историография обогатилась фундаментальным исследованием военных планов рейха того периода «Схватка за мировое господство: военная политика кайзеровской Германии, 1914—1918 гг.» Фрица Фишера (на сегодня, бесспорно, наиболее амбициозным в этой области), а также прекрасной монографией Винфрида Баумгарта «Немецкая восточная политика, 1918 г.». Я ознакомился не только с этими, но и со многими другими работами по современной истории и политике Германии, но все же главными при работе над книгой оставались архивные материалы Германии и Австро-Венгрии, а также некоторые другие.

Большая часть книги посвящена периоду с марта 1917 (Февральская революция в России) по ноябрь 1918 года (поражение держав Центрального договора). Время до переговоров о мире в Брест-Литовске и они сами трактуются в довольно широком контексте, поскольку отражают эволюцию германских планов на Востоке в связи с быстро менявшейся обстановкой в этом регионе. Еще больше внимания уделяется периоду с марта по ноябрь 1918 года, когда немцы реально контролировали Украину, Крым, другие восточные территории и последовательно осуществляли свои планы, каковы бы несовершенны и противоречивы они ни были.

В книге делается акцент скорее на самых планах, чем на их осуществлении. Я имею в виду прежде всего немецкие устремления в отношении Украины, главного «приза» немецкой экспансии на Восток, и в отношении Крыма, полуострова, которым они заинтересовались особенно после оккупации. Политика рейха в Украине и все происходящее здесь освещается с большей полнотой, чем события в Крыму. Сама же революция показывается

главным образом на фоне экспансии Германии на Восток в целом и в Украину в частности. Такая важная тема, например, как украинское сопротивление, рассматривается только вскользь.

Германские планы и политика в Прибалтике, Белоруссии и на Кавказе затрагиваются прежде всего для сравнения. Советско-германские отношения, обращение немцев с русскими монархистами, германские планы относительно Дона и Кубани, а также польский вопрос раскрываются лишь в той степени, в какой это способствует лучшему пониманию планов и реальных действий немцев в Украине и Крыму. С другой стороны, я довольно обстоятельно рассмотрел конфликт между военными магнатами рейха и МИД, поскольку разногласия между ними неоднократно осложняли украинское предприятие Германии.

В книге довольно обстоятельно рассматривается также политика австрийцев в Украине, хотя Австро-Венгрия играла второстепенную роль в происходивших там событиях. Несмотря на очевидную компетентность в восточных делах, государству «двойной монархии» не хватало ни средств, ни решимости для проведения независимого курса в Украине. Противоречия и разногласия в отношениях Вены и Берлина, ее, как правило, прохладные и натянутые отношения с Киевом тем не менее подтверждают очевидность украинской авантюры Германии.

Я применил термин **Восток** и производные от него понятия так, как они используются в германских и австрийских исследованиях по данной теме. Под **Востоком** подразумевается обширная и не всегда четко обозначенная территория европейской части Российской империи и прилегающих к ней районов. В тексте сохраняются многочисленные немецкие, украинские и русские термины, главным образом из-за отсутствия их эквивалентов в английском языке. Все незнакомые иностранные понятия, по мере появления последних на страницах издания, разъясняются.

Славянские титулы и звания упоминаются в соответствии с модифицированной системой, принятой в библиотеке конгресса и используемой в Колумбийском университете. Украинские авторы, фамилии и географические понятия приводятся в национальной версии, российские – в собственной. Там, где это возможно, использована англоязычная форма имен известных деятелей. Тот же метод применяется и в отношении географических названий.

Работу над книгой значительно облегчили стипендия, выделенная на исследования фондом Форда в 1958—1959 годах, а также два летних гранта от Райсовского университета. Замысел по ее написанию возник несколько лет назад, в ходе семинара профессора Филиппа Е. Мосли по внешней политике России в Колумбийском университете. Он с тех пор оставался для меня главным источником вдохновения. Также хочу поблагодарить Ханса В. Ганке и Фрица Т. Эпштейна за ценные советы в начале исследования. Особых слов заслуживает Генри Л. Роберте за помощь и поддержку в защите докторской диссертации в Колумбийском университете. Я безгранично признателен моему другу и коллеге Ивану Л. Рудницкому из Американского университета за полезные замечания при заключительном прочтении рукописи.

Мои искренние слова благодарности Е. Зюбликовичу, директору Восточно-Европейского научно-исследовательского института имени В.К. Липиньского, за содействие в получении необходимых австрийских документов. Также большое спасибо сотрудникам библиотеки Колумбийского университета, публичной библиотеки Нью-Йорка, библиотеки конгресса и Национального архива за профессиональную помощь, оказанную на различных этапах написания этой книги. Все они, разумеется, не несут ответственности за содержание исследования.

Глава 1

Украинское национальное движение в начале Первой мировой войны

Украина, некогда известная как «житница Европы», все еще ассоциируется с бескрайними пшеничными полями. К этому информированный читатель может сегодня добавить гигантские промышленные комплексы Донбасса, а также богатые месторождения Кривого Рога и Никополя. Сохраняется общее впечатление значительного промышленного и сельскохозяйственного потенциала страны. Не столь очевидна политическая роль народа, составляющего пятую часть населения СССР и населяющего территорию, которая превосходит по размерам объединенную Германию.

Хотя сегодня немногие ставят под сомнение этнические, лингвистические и культурные особенности украинцев, историческое же прошлое этого народа все еще смутно представляется за рубежом, а его политические достижения последнего времени больше рассматриваются в контексте истории России и не подлежат отдельному толкованию. И все же дважды в течение XX века, во время мировых войн, украинцы поднимались на борьбу за национальную и политическую самостоятельность, хотя и безуспешно. На самом деле за минувшие три столетия украинской истории стремление к свободе и независимости от могущественного северного соседа являлось доминирующим. Эта борьба, несомненно, продолжится в будущем, даже если она, по всей вероятности, будет происходить менее открыто.

Отсутствие интереса у внешнего мира к Украине отчасти усложняет дело. В конце концов, гораздо проще воспринимать Россию как единое государство с однородной нацией, чем вникать в запутанные и сложные проблемы различных нерусских народностей, которые на сегодняшний день составляют более 50 процентов населения Советского Союза.

Хотя в начале Первой мировой войны лишь немногие знали о существовании украинской нации, а сами украинцы в подавляющем большинстве только начинали размышлять о независимости и отделении от России, их избранные лидеры в лице Центральной рады (Совет), заседавшей в Киеве, в январе 1918 года провозгласили Украину независимым государством. В феврале, стремясь сохранить независимость, Рада заключила сепаратный мир с кайзеровской Германией, предотвратив, таким образом, установление контроля большевиков над этой богатой территорией. Если бы украинцам удалось сохранить независимость после Первой мировой войны, Россия лишилась бы своего главного источника снабжения продовольствием и сырьем. Более того, она потеряла бы прямой доступ на Балканы и в центральную часть Восточной Европы, оказалась бы отброшенной от Черного моря. Короче говоря, Россия перестала бы быть великой державой. Разумеется, европейская история сложилась бы совершенно иначе, а Украина со своими колоссальными природными ресурсами, развитой промышленностью и сельским хозяйством, населением, достаточно образованным для реализации этих преимуществ, естественно, могла превратиться в одну из ведущих европейских держав.

В книге идет речь о попытке украинцев добиться этой цели в ходе Первой мировой войны. В этой главе дан краткий анализ украинской проблемы накануне критического периода в национальной истории и рассмотрено влияние войны на самосознание украинцев, готовящихся к борьбе за независимость.

Ключ к пониманию прошлого Украины кроется в ее огромных природных богатствах и отсутствии естественных, легко охраняемых границ. На протяжении всей своей истории она являлась местом для вторжения и добычей алчных мародеров. В Средние века Украина

представляла собой самый восточный форпост Запада в его бесконечных столкновениях с Востоком.

Затем часть ее территории перешла под контроль татар и турок. Далее ослабление Османской империи превратило Украину в яблоко раздора между Польшей и Россией, и, наконец, в XX веке она стала наиболее привлекательной целью для реализации германских планов и амбиций на Востоке.

Украинцы не были исторической нацией, хотя и гордились тем, что их независимая государственность берет начало в Киевском княжестве, государстве, уничтоженном в результате монгольского нашествия 1240 года. В период господства Литвы, который последовал за ним, идея независимой государственности не приобрела жизненной силы. Более того, центр политической жизни региона вскоре переместился из Литвы в Польшу, поставив, таким образом, Украину под контроль этого государства. До 1640 года украинские казаки во главе с гетманом Богданом Хмельницким предпринимали попытки избавиться от польского господства. Вначале эта борьба велась весьма успешно. Однако вскоре, после ряда кровопролитных, но завершившихся ничем битв, Хмельницкий решил пойти на соглашение с Москвой. Это постепенно привело к полному политическому доминированию в Украине лучше организованного и более решительного северного соседа. Секретное соглашение гетмана Ивана Мазепы, бывшего предводителем казаков, со шведским королем Карлом XII против Петра Великого, за которым последовала катастрофичная по своим итогам Полтавская битва (1709 г.), знаменует завершение усилий украинцев добиться независимости в период казачьей вольницы.

В XVIII веке в результате разделов Польши большая часть Украины попала под российское господство, и в короткий промежуток времени все эти земли вошли в состав Российской империи.

Это само по себе не было столь уж трагично в сравнении с почти полной утратой самобытности из-за русификации, а также политической и социальной интеграции, самоидентификации украинской земельной аристократией, сословием, которое ранее также понесло потери в результате полонизации. Вследствие чего культурная, образовательная и политическая жизнь украинских городов изменилась на иностранный лад (главным образом под влиянием русских или поляков, отчасти евреев). Этим обстоятельством прежде всего объясняется слабость украинского национального движения в последующий период и, в значительной степени, поражение украинской национальной революции 1917—1921 годов.

Процесс политического и социального поглощения украинских земель Российской империей совпал с украинским культурным возрождением, начавшимся с публикации пародии Ивана Котляревского на «Энеиду» в 1798 году. Она была написана на отброшенном за ненадобностью родном украинском языке, на котором тогда говорили лишь крестьяне. Появление этого произведения не только ознаменовало поворотный момент в украинском культурном возрождении, но и заложило основу для развития современного украинского языка. Эти процессы вскоре нашли своего величайшего приверженца в лице Тараса Шевченко (1814—1861), выдающегося украинского поэта XIX столетия. Ему суждено было также стать поборником возрождения украинской национальной идеи. Это движение, однако, набрало однако силу только к концу столетия после смерти Шевченко.

Таким образом, несколько десятилетий украинский национальный ренессанс ограничивался главным образом литературой и культурой. Секретную дипломатическую миссию в 1791 году украинского дворянина Василя Капниста в Пруссию в поисках помощи для противостояния России следует рассматривать скорее как эпилог к эпохе казачьей вольницы, чем прелюдию к борьбе за национальное освобождение Украины, поскольку эта борьба не набрала полную силу до второй половины XIX столетия. Такое, казалось бы, благоприятное событие, как вторжение Наполеона в Россию в 1812 году, лишь немного всколыхнуло укра-

инцев, а Польское восстание 1830—1831 годов привело к очередному выражению лояльности и поддержке трону в надежде, что царь будет более восприимчивым к постоянным просьбам восстановить прежнюю казачью автономию и особенно привилегии, которые, как считали, полагались потомкам бывших казачьих старшин.

Именно классовый подход к украинской проблеме – желание бывших казачьих старшин быть русскими дворянами – дал толчок развитию аристократического направления в украинской историографии. Таким образом, украинское национальное возрождение изначально не пользовалось широкой народной поддержкой, и Украина продолжала служить полем сражения для поляков и русских, боровшихся за культурное и политическое преобладание в регионе. Тот факт, что многие дворяне украинского происхождения находились по обе стороны этой борьбы, имел для национального движения негативные последствия. С другой стороны, это серьезно ослабило усилия Москвы, старавшейся поглотить и русифицировать украинские провинции. Более того, активность польского меньшинства в Правобережной Украине (территория к западу от Днепра) преподавала местному населению полезный урок и заставила его серьезно задуматься о своей собственной национальной идентичности.

Очевидно, что украинцы испытывали затруднения в выборе между Польшей и Россией. Впоследствии они не раз пытались найти поддержку третьей силы в борьбе против своих агрессивных соседей. Гетман Хмельницкий прибегал к помощи татар в борьбе против Польши, а затем призвал москалей. Мазепа пошел на сговор со шведами против России. Секретная поездка Василя Капниста в Пруссию в 1791 году также была предпринята с целью добиться помощи в борьбе против Москвы. Во время Крымской войны (1854—1856 гг.) польско-украинский авантюрист Михаль Чайковский, известный также под именем Садык-паша, сформировал в Турции украинский казачий легион, предназначенный для борьбы против России. А во время Первой и Второй мировых войн украинцы сотрудничали с Германией.

Однако эти временные альянсы с другими державами обычно обговаривались и осуществлялись тайком, они редко пользовались поддержкой широких народных масс. Некоторые из них были явно непопулярными и малопонятными для большинства населения. К таким союзам можно отнести секретное соглашение Мазепы со шведским королем Карлом XII. Впоследствии современные лидеры украинского движения все больше и больше опирались на собственные ресурсы и добивались расширения социальной базы поддержки именно на родине. Начало обретения популярности украинской национальной идеи в современный период истории отождествляется прежде всего с ростом активности народной интеллигенции в России в 40-х годах XIX века. Расширение ее от границ малороссийского регионализма к движению с отчетливым политическим подтекстом связывают с влиянием Тараса Шевченко.

Шевченко был не просто величайшим украинским поэтом того времени, но также национальным пророком. Бывший крепостной, чьи пламенные поэмы звали к национальному и социальному освобождению украинского народа, создал вместе с небольшой группой украинских интеллектуалов федералистское объединение, известное под названием Братство Святых Кирилла и Мефодия. Хотя царская полиция вскоре разгромила эту организацию и арестовала ее руководителей, идея славянской федерации продолжала господствовать в украинском политическом мышлении и в XX веке, пока ее не сокрушил большевистский централизм Ленина.

Отмена крепостного права в 1861 году (это был также год смерти Шевченко) придала дальнейший импульс развитию народного движения в Украине с большей политической ориентацией, как и в других регионах Российской империи. Народники, известные в Украине как холопоманы (крестьянолюбцы), были в целом столь же неудачливы в стремлении привлечь крестьян на свою сторону, как и их русские единомышленники. Таким образом,

украинскому движению не удалось добиться широкой народной поддержки, в которой оно нуждалось, чтобы стать реальной политической силой в стране. Сознывая собственную слабость, ее лидеры проявляли скромность и сдержанность при определении планов на будущее. Фактически же едва дотягивали до политической программы, поскольку не выходили за рамки «продвижения малороссийской литературы и публикации просветительских материалов на малороссийском языке в целях распространения среди народа полезных знаний».

Но даже такая программа была неприемлема для российских чиновников. Встревая в восстание Польским 1863 года, они решили покончить с «украинской угрозой» в зародыше, прежде чем она могла докатиться до столицы империи. В качестве превентивной меры появился указ царского министра внутренних дел графа Валуева П.А. от 1863 года. Он представлял собой административный декрет, запрещающий все просветительские и религиозные книги, изданные на украинском языке. Хотя этот шаг властей серьезно затруднил просвещение масс, подъем национального самосознания среди дворянства продолжался, в украинских городах возник ряд тайных просветительских организаций, называвшихся громадами. Они не отличались ни политическим радикализмом, ни узким национализмом. В условиях же российской реальности они могли существовать только негласно – царская полиция следила за их деятельностью весьма пристально. Громады едва могли похвастаться организованностью, а в их деятельности не хватало прежде всего координации. Киевская организация неофициально играла роль центра, а ее руководители, политический теоретик Михаиле Драгоманов и историк Володимир Антонович, считались лидерами движения. Именно Драгоманов разработал серьезную политическую программу, основанную на принципах демократизации и федерализации как австро-венгерской, так и российской монархий, которые господствовали на украинских землях. Программа предусматривала равные права основным славянским народам – русским, украинцам и полякам. Драгоманова, как авторитетного ученого, хорошо известного всей России, громады единогласно выбрали руководителем миссии по созданию центра украинской политической и научной деятельности за рубежом. (Драгоманов занимал этот пост в Женеве несколько лет, а затем в 1889 году вернулся к научной деятельности, став профессором Софийского университета в Болгарии.) Необходимость пребывания Драгоманова за границей была вызвана даже более строгим царским указом, изданным в Эмсе (1876 г.), который запрещал все публикации на родном языке вместе с украинской культурной и просветительской деятельностью. В дальнейшем эти меры ослабили украинское движение в Российской империи и еще больше ограничили его связи с массами. Но постепенно оно становилось все более радикальным.

Было бы неверно увязывать возрастание интереса к Украине на Западе с усилением борьбы с украинофильством в царской России 1860—1870 годов. Украинский вопрос вообще никогда не сходил с европейской политической сцены. (Для тех, кто обсуждал эту тему позднее публично, он заключался в поисках национальной идентичности и культурной автономии, а в конечном итоге – в борьбе за политическую независимость украинского народа.) На Западе не забыли о стремлении Хмельницкого и Мазепы добиться независимости Украины. К тому же имелись способные и убежденные украинские политические эмигранты, среди которых соратник и приемник Мазепы Пилип Орлик, который после поражения в битве под Полтавой (1709 г.) отправился в Турцию, чтобы продолжать борьбу против России.

Важный вклад в дело информирования остального мира об Украине также внесли многочисленные зарубежные гости и путешественники, изучавшие Россию. Их поражали различия между северной частью империи и более приветливой, богатой и, кроме того, строптивой и независимой южной, населенной украинцами.

На многих иностранных граждан, побывавших в этой части империи, наибольшее впечатление произвело богатство украинского фольклора. Они начали его систематическое изу-

чение еще задолго до отечественных ученых. За несколько десятилетий до рождения Шевченко, в то время когда было забыто само название «Украина», немецкий философ Иохан Готфрид фон Гердер, творивший в эпоху русской императрицы Екатерины Великой, заявил следующее: «Славяне были пасынками истории, но с течением времени это пройдет, и Украина, возможно, станет однажды новой Элладой».

Количество зарубежных гостей, посетивших Украину в XIX веке, значительно возросло. И больше всего среди них было немцев. В данный период появилось немало ученых, занимавшихся изучением России и славянского мира в целом. Кроме них среди первых исследователей украинского национального движения были немецкие политологи и наблюдатели. Некоторые заходили так далеко, что призывали к расчленению Российской империи и созданию независимого украинского государства. Одной из первых организаций, разработавшей такой план и добивавшейся его поддержки со стороны немецкого канцлера, князя Отто фон Бисмарка, была Еженедельная партия, состоящая из либеральных аристократов, которые рассматривали Англию в качестве идеала. Она проявляла особую активность во время Крымской войны и включала в свои ряды такого выдающегося немецкого деятеля, как Морин Август фон Бетман Гольвег (старший) – бывший министр прусского кабинета.

Примерно в то же время (март 1854 г.) прусский посланник в Лондоне Карл Иосиас фон Бунсен сделал аналогичное предложение своему правительству в секретном меморандуме.

Отделение «Малороссии от Великой России», то есть создание независимой Украины, свободной от контроля русских, вновь предлагал в 1861 году Курт фон Шлёнер, второй секретарь посольства Пруссии в Санкт-Петербурге.

Затем, незадолго до отставки Бисмарка, немецкий философ Эдуард фон Хартман открыто призвал к созданию сепаратного украинского государства, предложив назвать его Киевским княжеством.

Ни канцлер Бисмарк, ни его преемники не проявляли большого интереса к осуществлению таких планов на Востоке. Недавние исследования «остполитик» Бисмарка полностью подтверждают этот вывод. Густав Рейн в книге, посвященной его деятельности, весьма убедительно показывает, что канцлер последовательно противился революциям и в целом придерживался миролюбивой внешней политики. Согласно утверждениям другого автора, Рейнгольда Витрама, Бисмарк отказывался от любых планов, направленных на расчленение России. Более того, он соглашался с царской политикой русификации прибалтийских провинций, в которых имелись крепкие и хорошо организованные немецкие общины.

Между тем немецкие эксперты по восточному вопросу продолжали внимательно следить за политической, социальной и литературной жизнью в Украине. Даже те, кто воспринимал Россию как единое целое и не поддерживал идею по ее расчленению, начинали рассматривать «существование Малороссии и ее политического движения (украинского национализма) как весьма серьезную проблему».

При всей своей многочисленности немецкие поселенцы в Украине слабо влияли на рост интереса рейха к этой территории и усиление здесь собственного влияния. В предвоенный период их насчитывалось около 600 тысяч (около 2% населения Украины и примерно четверть всей численности немцев в Российской империи).

Ни германское правительство, ни большинство частных германских организаций не проявили интереса к судьбе своих соотечественников на Востоке, возможно, потому, что большинство из них принадлежали к семьям, которые эмигрировали много лет назад, во время правления Екатерины Великой. Немецкие «колонисты» в Украине, жившие большей частью в зажиточных, хорошо организованных общинах, сохраняли свой язык, религию, обычаи, но редко поддерживали постоянные связи с родственниками на родине.

Германские финансовые круги также не очень заботились о политическом статусе Украины, хотя в начале Первой мировой войны Германия была третьим крупнейшим ино-

странным инвестором в России, чьи вложения оценивались в 441,5 млн рублей, что составляло 19,7% всех иностранных капиталовложений. Значительность германских экономических интересов в Украине подтверждает, что более одной трети немецкого капитала было инвестировано в горнодобывающую и металлургическую промышленность (160 и 69 млн рублей соответственно), значительная часть предприятий которой размещалась в Украине. Недавние советские исследования проблемы показывают, что влияние германского капитала в Украине было существенным. Они подчеркивают значение частных немецких капиталовложений в различные российские и иностранные предприятия, финансовый контроль немцев над французскими, бельгийскими и другими фирмами в России, а также влияние немецких технических специалистов и германо-русских деловых кругов на экономическую жизнь империи в целом.

Однако нет никаких доказательств того, что эти германские круги оказывали сколько-нибудь серьезное влияние на украинское национальное движение или в какой-либо мере затрагивали политику рейха в этом регионе, несмотря на советские уверения в обратном. Как известно, советские исследователи единодушны в утверждении, будто Германия еще с середины XIX века активно добивалась расчленения Российской империи и создания независимой Украины. Одним из ревностных сторонников данного тезиса (не подкрепляется никакими достоверными источниками) является Ерусалимский А.С., известный советский эксперт по германской дипломатии. Он постоянно утверждает, будто экспансионистские планы германских империалистов неизменно пользовались поддержкой правительства рейха, Верховного военного командования и немецких колонистов, прибывших в Украину и Крым и поселившихся вдоль стратегически важных железных дорог.

(Разумеется, любой школьник знает, что паровой двигатель был изобретен не в период правления Екатерины Великой, то есть как раз в то время, когда германские колонисты селились в этих местах.)

Накануне Первой мировой войны лишь небольшое число немецких экспертов по восточным делам было знакомо с украинской проблемой. Широкую общественность, так же как и большинство представителей официальных кругов этой страны, проинформировали о сути вопроса только после начала военных действий на Востоке. На начальном этапе войны германская «остполитик» не предусматривала каких-либо практических шагов в отношении Украины или других территорий Российской империи.

В последние десятилетия перед Первой мировой войной царский режим проводил политику подавления национальных движений внутри империи. Однако, несмотря на то что в обществе вводились жесткие ограничения, властям все сложнее было отвечать на вызовы со стороны нерусских народных движений, прежде всего в Украине. Это национальное движение получало активную поддержку со стороны украинских лидеров, находившихся в эмиграции, а также значительная помощь ему оказывалась с территорий, неподвластных России, особенно Восточной Галиции.

Другим важным процессом конца XIX столетия, происходящим в Украине, была быстрая индустриализация. Она сопровождалась небывальным ростом городов, увеличивающейся пролетаризацией масс и активным ввозом иностранного капитала со всеми вытекающими экономическими, социальными и политическими последствиями. Украина не только быстро становилась местом активизации национального движения, но также одним из ведущих центров экономической и социальной революций в Российской империи.

В украинском национальном движении после утраты им массовости ведущую роль продолжала играть интеллигенция. Однако это уже была более сложная по своему составу классовая прослойка, многие представители которой все больше тянулись к идеям социализма. Две тенденции этого движения переплелись в революционных событиях 1905 года, а сами украинские лидеры того периода были призваны сыграть решающую роль в русской

революции 1917 года и в процессе украинского национального возрождения, который за ней последовал.

Процесс развития политических партий в Украине можно проследить в два последних десятилетия перед Первой мировой войной. Но более важным явился рост национального самосознания среди рабочих, определенных слоев среднего класса, помещичьего сословия и крестьянских масс. На этом историческом этапе украинская литература приобрела самобытный характер, а историография и другие общественные науки достигли впечатляющих успехов. Этот период явил научному миру таких выдающихся ученых, как историк Михайло Хрущевский, и известных и признанных во всем мире писателей: И. Франко, Л. Украинку и М. Коцюбинского. Украинские культурные, научные и прочие достижения, бесспорно, придали мощный импульс национальному движению в переломный период своего развития.

Тем не менее в начале Первой мировой войны и в период крушения царского режима в России украинское национальное движение еще не получило должного развития и поэтому оказалось не готово использовать возникшие возможности. Сознывая собственную слабость и отдавая себе отчет в новой социальной реальности, сложившейся в России, украинцы установили тесную связь с социалистическим и демократическим движением в других регионах империи. Национальные лидеры предвоенного периода, за небольшим исключением (Украинская революционная партия М. Михновского), ставили своей целью достижение автономии и в публикациях или заявлениях ограничивались лишь требованиями демократизации России и ее децентрализации на федеральной основе. Разумеется, многие из них мечтали о славе и независимости своей Родины, но это считалось дальней перспективой и даже не подлежало публичному обсуждению.

Таким образом, начало Первой мировой войны застало украинских лидеров в состоянии душевного равновесия и осторожного оптимизма. Они открыто высказывали лояльность России и искренне надеялись решить национальную проблему в контексте внутривнутриполитической реальности без вмешательства извне. Центральная же власть, в свою очередь, не торопилась привлекать украинцев к борьбе против общего врага. Напротив, продолжала проводить линию на их преследование и унижение. Царский режим, вместо предоставления украинцам некоторой свободы в культурной жизни, что способствовало бы укреплению лояльности и росту воодушевления второго по численности народа Российской империи, использовал начало войны как предлог для подавления украинского движения. Национальные организации и выпускаемые ими печатные материалы запрещались, некоторые лидеры подверглись арестам и высылке, среди них оказался профессор М. Хрущевский, который только что вернулся в Россию из-за границы.

Новые усилия царского режима по подавлению украинского движения совпали по времени с наступлением русской армии в Галиции, где оно располагало более широкой социальной базой. Эта территория, также известная как Западная Украина, с середины XIV века находилась под властью Польши. Сам факт, что в результате раздела этого государства в 1772 году она официально стала числиться частью Австро-Венгрии, мало что изменил в политической жизни населения данной территории. Тем не менее в последующий период галичане пользовались значительно большей степенью свободы, чем украинцы, находившиеся под властью царя.

К середине XIX столетия пробуждение национального самосознания украинского населения в Галиции, ранее проявлявшегося прежде всего в области литературы и культуры, стало приобретать определенную политическую окраску. (Следует отметить, что весь XIX век украинцы, населявшие эту территорию, как националистически настроенные, так и те, кто ориентировался на Россию, продолжали называть себя жителями Рутении.) Ограниченная парламентская демократия в Австро-Венгрии – стране двойной монархии, пример польской общины, более организованной и политически ориентированной, а также общая

либеральная и просветительская атмосфера, царившая в империи, возглавляемой Францем-Иосифом, стимулировали дальнейшее развитие украинского национального движения. Развитие пророссийских организаций Рутении (их участники считали себя русскими) в Галиции в конце прошлого столетия, а также растущая напряженность между Веной и Санкт-Петербургом, безусловно, влияли на укрепление позиций националистических кругов в этом регионе. Восточная Галиция, населенная преимущественно украинцами, оставалась в основном под польским влиянием с ведома и полного одобрения центральной власти в Вене.

Украинцам, населявшим Галицию, оказывали помощь их соотечественники с Востока. В 1870—1880 годах, когда национальное движение в России продолжало подвергаться ограничению, часть его лидеров уехали за границу, другие же ушли в подполье. Но гораздо большее число участников перенесли свою деятельность в Галицию. Это превратило Западную Украину в настоящий Пьемонт национального движения, приблизило Галицию к основной тенденции украинской жизни и, таким образом, в 1919 году подготовило условия для ее постепенного объединения с остальными украинскими землями. Основы социалистического движения в Галиции заложил именно Михайло Драгоманов. А позднее такие выдающиеся ученые и национальные лидеры, как историк Михайло Хрущевский, которому было суждено стать отцом национальной революции и первым президентом Украинской народной республики, играли активную роль на данной территории до начала Первой мировой войны.

Несмотря на последовательную пропольскую политику Вены в Галиции, украинцы, населявшие эту территорию, проявляли в начале Первой мировой войны полную лояльность режиму Габсбургов. Поскольку они осознавали относительные преимущества, которыми располагали в Австро-Венгрии, и усматривали в победе русских на Востоке реальную угрозу для будущего украинского движения, постольку становится понятным их настрояние.

Впоследствии, когда в первые дни войны Вена разрешила украинцам организовать добровольческий корпус для борьбы против России, 28 тысяч человек в возрасте до 20 и свыше 40 лет, то есть те, кто не подлежал призыву, выразили готовность выступить на стороне Австро-Венгрии. Однако вскоре, уступая давлению польской стороны, Вена позволила лишь 2500 из них остаться в Украинском легионе метких стрелков (Сичови стрельцы, сичевики), в то время как поляки сформировали не менее пяти бригад под командованием Юзефа Пилсудского.

Хуже всего, что польские и венгерские войска, а также военное командование в Восточной Галиции (прифронтовая зона), поддавшиеся слухам о происках «русских агентов» и прорусских симпатиях среди украинских крестьян, прибегли к массовым арестам и казням. Быстрое отступление отсюда австрийцев в конце 1914 года под натиском русских войск сделало подобную практику еще более распространенной. В первые месяцы войны, согласно оценке украинского историка того периода, тысячи соотечественников были казнены и свыше 30 тысяч сосланы в лагеря особого содержания в Австрии.

Вслед за оккупацией русскими войсками Восточной Галиции в конце 1914 года здесь начался новый этап репрессий. Центральная власть дала санкцию на уничтожение всех культурных и просветительских местных учреждений. Использование родного языка строго воспрещалось, а украинская греко-католическая церковь Галиции подвергалась жестоким преследованиям. Возглавлял эту акцию, направленную на русификацию населения, обращение его в православие и постепенное поглощение этой территории Российской империей, граф Бобринский А. Г. Вскоре были арестованы и высланы тысячи известных людей, в том числе митрополит украинской греко-католической церкви граф Андрей Шептицкий. Отступление русских войск из Восточной Галиции в середине 1915 года сопровождалось насильственной эвакуацией тысяч крестьянских семей.

Неудивительно, что действия, совершавшиеся на этой территории венгерскими и польскими войсками, расценивались как обычные злоупотребления. Несмотря на преследования и явное предпочтение, которое власти отдавали полякам, украинское население Галиции продолжало сохранять верность режиму и ориентироваться на Вену. В то время как старейшее австрийское воинское формирование, знаменитый Пражский полк, перешло в 1915 году на сторону русских, украинский добровольческий легион Галиции вновь и вновь подтверждал звание лучшей боевой части австро-венгерской армии. И все же вслед за отступлением русских войск в 1915 году галицийские украинцы, к их неудовольствию, опять столкнулись с абсолютным безразличием Вены к собственным ожиданиям большей культурной и просветительской автономии. В то же время в октябре 1916 года в торжественном «Манифесте к полякам» австрийский и германский монархи пообещали воссоздать польское государство. Это предполагалось сделать за счет польских провинций, захваченных у России и Галиции, в том числе ее восточной части, в основном населенной украинцами.

Первая мировая война явилась нелегким испытанием для украинского народа. Его территория стала ареной активных военных действий, в ходе которых украинцы понесли большие потери без всякой надежды на то, что его страдания и жертвы не напрасны и в конечном счете будут оценены. Из всех воюющих держав лишь Германия проявляла некоторое сочувствие к украинскому национальному движению, но оно носило главным образом теоретический характер и никак не влияло на улучшение жизни народа. Две же ведущие восточные державы – Россия и Австро-Венгрия – неизменно оставались чуждыми чаяниям украинцев. Это, безусловно, поставило перед ними непреодолимое препятствие в борьбе за независимость, хотя в то время появились радетели за народное дело, а вокруг движения – ореол героизма. Рост украинского национализма в годы Первой мировой войны обусловлен не столько силой или зрелостью движения, сколько ослаблением и окончательным крахом наиболее принципиальных его противников – Австро-Венгрии и России, особенно последней.

Глава 2

Военные цели Германии на Востоке и в Украине, 1914—1916 годы

В начале Первой мировой войны германская «остполитик» пребывала в довольно неопределенном состоянии. Поэтому неудивительно, что рейх не имел четкой цели на ранней фазе войны на Востоке. В самом деле, первые два года конфронтации германо-русское взаимопонимание на основе статус-кво могло быть вполне реальным. Ни немцы, ни русские в тот период не делали официальных заявлений, чтобы исключить возможность заключения сепаратного мира. Германский план аннексии русской Прибалтики не афишировался до 1916 года. В свою очередь, имперский канцлер Теобальд фон Бетман Гольвег, никогда не поддерживающий его, продолжал, по крайней мере в течение лета этого года, добиваться мира с Россией на известных принципах.

Тем не менее то, что воплотилось в невинную формулировку «улучшения границ на северо-востоке», входило в число ранних требований, выдвигавшихся во время войны различными частными организациями и влиятельными людьми в Германии. Следовательно, с началом боевых действий на Бетмана Гольвега оказывалось сильное давление с целью добиться от него территории в Прибалтике и Западной Польше. Однако в середине 1915 года имперский канцлер лишь ограничился осторожным высказыванием, что «прежние условия» в Европе не следует восстанавливать и ежели она желает мира, то путь к нему лежит через достижение Германией более сильных позиций на континенте. В другом выступлении в рейхстаге в апреле 1916 года канцлер конкретизировал сказанное накануне. Он заявил, что русским армиям нельзя больше позволять маршировать через незащищенные границы Восточной и Западной Пруссии.

Лишь в конце 1916 года Германия определенно встала на путь территориальной экспансии на северо-востоке. Фактически именно эту территорию Германия открыто стремилась аннексировать за счет России до марта 1917 года. Бетман Гольвег согласился на проведение такой политики исходя главным образом из соображений стратегии и безопасности. Германские планы в отношении Украины, Причерноморья и других территорий на юго-востоке были разработаны позднее, весной 1918 года.

Утверждение о том, что Германия вступила в Первую мировую войну без четкой стратегической и тактической программы в отношении Востока, считалось долгое время определяющим среди немецких и других западных исследователей данного периода.

Недавнее исследование Фрица Фишера военных целей Германии смело ставит под сомнение это положение. С его точки зрения, немцы проводили политику «экономической экспансии» в Польше, Румынии и Южной России задолго до начала Первой мировой войны, а с августа 1914 года и далее германское правительство реализовывало конкретный план, направленный на создание нескольких буферных государств, включая украинское, тесно связанных с Германией отношениями в политической, военной, экономической и культурной областях как на Западе, так и на Востоке.

Большинство немецких историков отнеслись критически к радикальному пересмотру Фишером существующего положения относительно германских военных целей, выдвинутого в 1929 году Эрихом Отто Фолькманом. Одним из его критиков был Людвиг Дехио, одно время являвшийся редактором наиболее влиятельного исторического журнала в Германии «Хисторише найтшрифт», который в 1959 году писал: «Наша антирусская миссия в то время была какой угодно, только не устоявшейся. До 1914 года мы явно не принимали русскую угрозу всерьез, и даже после начала войны мы предпочитали отмахиваться от нее либо на

основе консервативной, прусской, континентальной традиции, либо на основе наших вновь появившихся военных амбиций (Тирпиц)».

В самом деле, даже в разгар немецкой экспансии на Востоке в 1918 году никогда не упускалась возможность германо-русского примирения. Даже генерал Эрх Лютендорф, убежденный сторонник жестких мер в тот период, не исключал такой возможности.

Даже более яркий пример поддержки существующего положения относительно германских военных целей – пример эмоциональной защиты канцлера Бетмана Гольвега, позицию которого Фишер критиковал больше всего, – Герхард Риттер привел в своем капитальном труде «Искусство управления государством и ремесло войны». Весь третий том своей главной работы выдающийся немецкий историк посвятил деятельности канцлера Бетмана Гольвега во время войны. Он предпринял блестящую попытку отстоять и восстановить имидж канцлера как истинного государственного деятеля, который при любых обстоятельствах оставался верным своим убеждениям, заключавшимся в умеренности и компромиссе.

В третьем томе утверждается, что в течение войны, пока Бетман Гольвег занимал пост канцлера, официальные германские военные цели и планы постоянно менялись. Возможно, он был прав, намеренно неопределенно формулируя военные цели центральных держав, надеясь договориться о примирении хотя бы с одной из противостоящих сторон. Однако, поступая таким образом, он, в свою очередь, мирился с тем, что пропаганда союзников часто представляла неофициальные и во многом безответственные программы и устремления различных немецких организаций как официальную позицию центральных держав. Внутри Германии эти приватные планы также часто рассматривались как отражение официальной позиции германского правительства, что сегодня все еще остается источником разногласий и споров.

Многие критики Фрица Фишера не преминули заметить, что он придает слишком большое значение частным меморандумам, петициям и другим подобным документам, которые готовились на разных этапах войны. Они, в частности, ссылались на толкование Фишером документа «Сентябрь, 1914, Программа» Бетмана Гольвега. По мнению Фишера, тот содержал большую часть экспансионистских планов, которые предстояло осуществить немцам в ходе войны, но такое толкование следует считать «слишком радикальным».

Тот факт, что документы Бетмана Гольвега были уничтожены в 1945 году, лишает нас возможности окончательно разрешить этот спор. Тем не менее имеется дневник его помощника и секретаря Курта Рицлера, человека, которому канцлер доверял сокровенные мысли и чувства. Он еще не опубликован, но американский исследователь истории Германии Фриц Штерн сделал обстоятельный и реалистичный анализ его содержания. Безусловно, дневник Рицлера не может заменить документы Бетмана, но, учитывая, что никто не общался с канцлером в военное время столь часто, его записи также являются ценным источником сведений о военных целях Германии в годы Первой мировой войны.

Интересно, что «Сентябрь, 1914 год, Программа» (Фишер преподносит этот документ о Первой мировой войне как один из наиболее откровенных и судьбоносных) Рицлер даже не упоминает. Впоследствии внимательное изучение дневника Рицлера побудило Штерна сделать вывод об отсутствии доказательств вынашивания Бетманом экспансионистских планов и о том, что «дневник не содержит ни настроений упоения победой, ни свидетельств существования некоего плана завоеваний. Скорее, он свидетельствует об унылой, сумбурной, произвольной импровизации в планировании и бесконечных спорах в ходе осуществления планов».

Атмосфера изменчивости и неясности вокруг официальных военных целей Германии в значительной степени способствовала успешной деятельности сторонников различных политических направлений, стремившихся повлиять на «остполитик» рейха. Термин «направление» употребляется здесь несколько произвольно, поскольку такие группы акти-

вистов не были оформлены организационно, а их руководителей и участников не всегда можно четко определить. Тем не менее можно выделить пять основных направлений или концепций:

1. Экспансионистское направление, наиболее тесно связанное с идеей «Дранг нах остен» (бросок на Восток).
2. Проект «Средняя Европа» (или проекты).
3. Польское направление, которое в некотором отношении являлось частью концепции «Средняя Европа».
4. Восточноевропейское направление, ориентированное на политику так называемых пограничных государств.

5. Русское направление, сторонники которого отстаивали идею единства и неделимости России и естественного продолжения этой идеи – тесного сотрудничества с великим восточным соседом Германии – концепцию, имеющую глубокие корни в сознании немцев.

Наиболее динамичная сила (в рамках аннексионистского направления) – пангерманисты, объединявшиеся вокруг партии Отечества. Они проявляли особую активность в продвижении идеи «Дранг нах остен». В меморандуме, представленном Бетману Гольвегу в сентябре 1914 года, лидер пангерманистов Хайнрих Класс призывал правительство Германии следовать смелому плану, предусматривающему создание независимой Украины, которая поддерживала бы тесные связи с Германией и имела бы с ней общую границу. Хотя канцлер не отреагировал на эти призывы и распорядился положить меморандум под сукно, пангерманисты не отказались от продвижения важного проекта для Востока.

Влиятельная сила в начале войны – пангерманисты – не являлась таковой в германской политике конца 1917 года. Их влияние вообще трудно определимо и нередко преувеличивается. Согласно данным некоторых ранних исследований, германское правительство сочувствовало аннексионистским планам пангерманистов. Фишер, определяющий число пангерманистов в 25 тысяч человек, утверждает, что эта группировка оказывала во время войны постоянное и сильное влияние на все аспекты политической, социальной и культурной жизни Германии. Однако Альфред Крук, который исследовал эту проблему гораздо основательнее, чем Фишер, довольно убедительно показал, что канцлеры Германии военного времени – Теобальд фон Бетман Гольвег, Георг Микаэлис, Георг фон Хертлинг, князь Максимилиан Баденский – твердо противостояли давлению пангерманистов, которое оказывалось на них во время войны. Более того, пангерманистам не давали даже донести свои взгляды до кайзера Вильгельма II, не говоря уже о привлечении монарха на свою сторону. Также не увенчались успехом их попытки в октябре 1917 года убедить генерала Эриха фон Людендорфа взять на себя диктаторские полномочия, несмотря на то что он нередко разделял взгляды пангерманистов.

Согласно взглядам Генри Корда Мейера, американского исследователя, долго изучавшего эту проблему, идея «Средней Европы» «играла подчиненную роль в официальных военных целях Германии и встречала сопротивление большинства военных и дипломатических лидеров Габсбургской монархии». Она представляла собой план экономического сообщества, основу которого должен был составить таможенный союз Германии и Австро-Венгрии с присоединением в последующем большинства малых и средних государств Европы. Мейер также пришел к заключению, что «только германский МИД постепенно проявлял искреннюю заинтересованность в какой-то форме средневропейской экономической интеграции». Фриц Фишер в своем более позднем исследовании, основанном на германских архивах, придает гораздо большее значение агитации за «Среднюю Европу», включающую малые восточноевропейские государства между Германией и «усеченной Россией». Бетман Гольвег, согласно утверждениям Фишера, неоднократно вел речь о ней и рассматривал как мощный фактор в формировании военных целей рейха. Согласно точке зрения Фишера,

и Бетман Гольвег, и Рихард фон Кюльман (статс-секретарь канцлера по международным делам) рассматривали «Среднюю Европу» как наиболее удобный путь укрепления силовой позиции Германии на континенте и как предпосылку проведения рейхом «мировой политики». Штерн, изучая дневник Рицлера, пришел к такому же основному выводу. Тот целиком разделял убеждение Бетмана, что «такой новый порядок в Европе обещал больше постоянства, чем откровенная аннексия чужой территории». Рицлер также допускал, что «Средняя Европа» «была европейской маскировкой нашей воли к власти».

Никто не рассматривал Украину в ходе реализации важных проектов. В планах «Средней Европы» центральное место занимала польская проблема. Польша стала «горстью подлинной среднеевропейской земли» не только для Фридриха Наумана, главного разработчика концепции, но и для других приверженцев такой политики. Польская декларация от ноября 1916 года, принятая Берлином и Веной во время подъема или спада агитации за «Среднюю Европу», приветствовалась Науманом и его сторонниками как важный шаг в направлении осуществления намеченной цели.

Следовательно, немецкий историк Ханс Бейер был прав, расценивая период с конца 1914 по 1916 год как время, когда тень Польши доминировала «во всем треугольнике Берлин – Будапешт – Вена». То, что украинская проблема не играла существенной роли в немецкой экспансии на Востоке в этот период, вполне можно объяснить влиянием концепции «Средней Европы» на официальную политику Германии относительно Польши. Лишь в первые месяцы войны германская печать и определенные официальные круги уделяли Украине повышенное внимание.

Согласно проекту Наумана, в «Среднюю Европу» включалась только часть украинской территории, находившаяся под управлением Австрии (Восточная Галиция и Северная Буковина). Такая его осторожность в подходе к данному вопросу понятна. В конце концов, пока Россия являлась сильной державой, до тех пор сохранялась надежда прийти к соглашению с ней. Науман не мог идти в своих планах дальше Польши. Однако имеются определенные свидетельства того, что он разделял национальные чаяния «пограничных народов», о которых получал информацию от своего друга и соратника Пауля Рорбаха. Ханс Бейер идет даже так далеко, что ставит в заслугу Науману внесение вклада своими работами по «Средней Европе» (с ними ознакомились сотни тысяч людей в Германии, Австрии и других странах) в лучшее понимание проблем «пограничных народов» Российской империи и повышение заинтересованности в их судьбе.

Науман занял четкую позицию по украинской проблеме только после заключения договора с Украиной в Брест-Литовске 9 февраля 1918 года. Он приветствовал его как позитивный шаг на пути реализации плана «Средней Европы» (хотя он имел в виду прежде всего продовольственные поставки из Украины). Вскоре после этого Вальтер Шотте, редактор еженедельника «Средняя Европа», ссылаясь на Украину как на «составляющую часть «Средней Европы». Все это было, однако, просто самообманом. Первоначальная концепция «Средней Европы» 1915—1916 годов умерла. В то время как одни деятели упорно отказывались признавать это, другие быстро двинулись дальше и приспособили свою «Среднюю Европу» к концепциям «Дранг нах остен» Людендорфа и «Восточной Европы» Рорбаха. Фриц Фишер, который, вопреки Мейеру, усматривает тесную связь между планами сторонников «Средней Европы» и официальной политикой Германии, полагает, что с крахом России эта идея уступила место плану «абсолютного господства на Востоке».

В бесконечных дебатах вокруг «остполитик» рейха также важную роль сыграло движение «Восточная Европа». Не будет преувеличением отождествить это идейное течение с Паулем Рорбахом, поскольку никто в Германии военного времени, кроме него, не сделал так много для развития и распространения идей, связанных с концепцией «Восточная Европа». Он был не только наиболее активным автором, но также являлся наиболее известным пред-

ставителем данного течения и бесспорным лидером движения. Пауль Рорбах достиг впечатляющих успехов в публикации своих произведений еще до начала Первой мировой войны. Как прибалтийский немец, он хорошо знал Россию, владел русским языком и активно занимался изучением социальной, экономической и политической жизни империи после того, как покинул ее и поселился в Германии, на родине своих предков. Рорбах, который в то время путешествовал по миру больше, чем кто-либо из его соотечественников, сделал себе имя в качестве эксперта по вопросам колониальной политики и немецких колонистов. Он также проявил себя как знаток ближневосточных проблем и сторонник немецкой экспансии в этом регионе, а также как приверженец концепции «Средняя Европа» и, наконец, зарекомендовал себя исследователем России и ее национального вопроса.

Многие другие представители этого идейного течения также были прибалтийскими немцами. Возможно, наиболее выдающимся из них был Теодор Шиман, которого можно считать учителем Рорбаха и основоположником теоретического направления «Восточной Европы». Шиман, авторитетный профессор университета и исследователь в области русской истории, первым выдвинул тезис, что нарекая Россия является искусственным конгломератом разных народов, имеющих право на самостоятельное существование. Будучи более влиятельным, чем его ученик (он состоял в дружеских отношениях с кайзером Вильгельмом и советником монарха до и после войны), Шиман отличался более узким подходом к «остполитик», чем Рорбах, и в первую очередь добивался аннексии рейхом Прибалтики. Как полагает Фишер, тот имел значительное влияние в МИД, а также среди военного руководства рейха, особенно тех, кто занимался административной деятельностью на восточных оккупированных территориях. Возможно, Шиман имел какое-то отношение к идеям, которые разделяли такие деятели, как полковник Макс Гофман (впоследствии генерал) или генерал Людендорф, но нет доказательств того, что с его взглядами считались и в МИД, как утверждает Фишер.

С началом войны Рорбах и его единомышленники стали еще больше акцентировать внимание на многонациональном составе Российской империи. Они стремились добиться ее расчленения путем достижения конкретной военной цели. Один из наиболее важных шагов в этом направлении – восстановление «старой исторической разграничительной линии между Москвией и Украиной», что предполагало обретение последней полной независимости. Излишне уточнять, что такое украинское государство должно было бы иметь тесные экономические и политические связи со среднеевропейским объединением во главе с Германией.

Польша и Финляндия должны были тоже получить независимость. Что касается прибалтийских провинций, то в отношении них Рорбах имел свои виды. Подлежали отторжению от России не только Курляндия, Ливония и Эстония, но также Литва. Эти территории объединялись в так называемый Балтикум, который предполагалось заселить немцами из других частей России. Рорбаха часто называли пангерманистом, главным образом из-за его отношения к народам Прибалтики.

Нет сомнений, что Рорбах не учитывал надежды и чаяния этих небольших этнических групп с сильно развитым чувством национального самосознания, но при этом он спешит предостеречь соотечественников против высокомерного отношения «господствующей нации» к народам Прибалтики и призывает предоставить им автономию, сделав их партнерами в общем деле. За такие взгляды пангерманисты резко критиковали и осуждали Рорбаха.

Сторонники концепции «Восточная Европа» внесли свой вклад в дело популяризации украинского вопроса в Германии военного времени. Правда, он поднимался многими германскими политологами не столько из-за того, чтобы добиться расчленения Российской империи и создания ряда новых независимых пограничных государств на Востоке, сколько в надежде дожидаться развала или, как минимум, ослабления русской армии и обеспечения победы центральных держав на Восточном фронте. Однако с самого начала деятели типа

Рорбаха разрабатывали далекоидущие планы установления нового порядка на Востоке и безоговорочно поддерживали создание независимой Украины.

Помимо германских политологов, выступавших за создание независимой Украины, имелось немало украинцев из Галиции, а также эмигрантов из Восточной Украины, пропагандировавших эту идею либо самостоятельно, либо при немецкой финансовой поддержке. Ханс Бейер выделяет «пять основных украинских тезисов», которые встречаются в большинстве пропагандистских материалов подобного рода:

1. Украинцы образуют отдельную, отличную от других нацию, а не ответвление русизма. Украинский язык – самостоятельный язык, а не диалект русского.

2. Украинское возрождение прослеживается от «Энеиды» Котляревского, а национальное движение однотипно с другими движениями народов Центральной и Восточной Европы. С 1798 года (дата публикации «Энеиды» на украинском языке) оно укрепилось и приобрело размах, стало мощной политической силой в Приднепровье.

3. Это национальное движение преследует цель отделения от России и стремится к сотрудничеству с центральными державами.

4. Не только москвиты, но и поляки являются естественными врагами Украины (это было общее мнение украинцев Галиции и политологов-эмигрантов из Восточной Украины).

5. В экономическом отношении Украина – ключевой регион Востока. Ее отделение от Москвы внесет существенный вклад в победу центральных держав.

Эти усилия Германии, несомненно, стали важным источником вдохновения для украинцев Австро-Венгрии, так же как и для писателей-эмигрантов и политических лидеров из России, которые видели в Рорбахе и его сторонниках серьезную силу, оказывавшую сильное воздействие на официальную политику Германии. Однако, поскольку во время войны связи между центральными державами и Россией прервались, влияние этих германских публикаций на украинское национальное движение было незначительным.

Степень влияния сторонников концепции «Восточная Европа» на официальные разработки и планы в отношении Украины определить непросто. Согласно утверждению Фит Валентина, политические взгляды Рорбаха в значительной степени и неизменно влияли на германскую «остполитик». Они, по его мнению, играли весьма важную роль вплоть до подписания договора в Брест-Литовске. Генри Корд Мейер, изучавший труды Рорбаха более глубоко, чем Валентин, пришел к другому заключению. Он считал, что сам Рорбах и его концепция перед русской революцией пользовались лишь незначительной поддержкой среди немецких политиков и что влияние ученого на официальные взгляды чересчур преувеличено. Дмытро Дорошенко также пришел к выводу, что там, где немецкая печать и, в меньшей степени, общественное мнение поддерживало активную политику на Востоке и использование украинского движения против России, правящие круги Германии и Австрии воздерживались от открытого выражения собственных симпатий. Фактически среди влиятельных политических лидеров рейха лишь бывший канцлер князь Бернхард фон Бюлов понимал важность Украины для германской политики и без колебаний, публично высказывался по этому поводу.

Хотя политическое и военное руководство Германии было обязано своим знанием Востока концепции Рорбаха, последний, видимо, не сумел сильно повлиять на официальные взгляды. Из заявления самого Рорбаха известно, что в июне 1916 года он беседовал с Бетманом Гольвегом и вскоре после этого пытался добиться поддержки собственной концепции со стороны генерала Людендорфа. Он встретился с генералом и полковником Гофманом в Ковно, познакомив со своим планом развала Российской империи. В ответ Людендорф сказал: «Это – политика, в которую я как солдат не должен вмешиваться. Если бы мне приходилось определять нашу политику, то она свелась бы к простому тезису – я ненавижу Англию!»

Просьбу Рорбаха по поводу встречи с фельдмаршалом Паулем фон Гинденбургом Людендорф отверг в присущей ему прямой солдафонской манере, но на Гофмана Рорбах произвел сильное впечатление. Полковник отзывался о нем весьма уважительно. Однако в данном случае это было не столько результатом влияния, сколько следствием сходства взглядов. Более того, в наиболее сложный период участия Германии в делах Украины – во время оккупации ее немцами – ни Гофману, ни Рорбаху не позволили принимать активное участие в происходящих событиях.

Рорбах поддерживал тесные связи с германским МИД и сотрудничал с ним через Бюро пропаганды и информации данного ведомства до весны 1917 года, когда решил уйти в отставку «из-за отсутствия в министерстве иностранных дел объективности в отношении России». Визит Рорбаха в Украину в мае 1918 года, предпринятый по инициативе германского МИД, не сблизил его с официальными кругами.

Таким образом, в Германии того времени Рорбах пользовался влиянием в основном как известный писатель и популярный лектор. Его концепция «Восточная Европа» никогда не оказывала непосредственного и продолжительного воздействия на какого-либо важного политического или военного деятеля рейха. Переговоры в Брест-Литовске и последующая политика рейха в Украине в период оккупации (март – ноябрь 1918 года) проходили без Рорбаха и учета его рекомендаций.

Русская концепция (в ее разработке русские не принимали никакого участия) играла более важную роль в формировании «остполитик» рейха военного периода, чем другие – конкурирующие. Отождествляемая с концепцией «единства России», она глубоко укоренилась в немецком сознании и ассоциировалась с Бисмарком и его политикой. Это обстоятельство значительно укрепляло позицию ее приверженцев.

Профессор Отто Хецш, известный немецкий историк и депутат рейхстага, был наиболее влиятельным сторонником этой концепции и также считался ее основоположником. Русская концепция не публиковалась так много и часто, как «Восточная Европа» и «Средняя Европа». Ее распространение даже отдаленно не может сравниться с лавиной памфлетов и других печатных материалов, выпущенных сторонниками пангерманской идеи. Однако сторонники этой концепции поддерживали тесные связи с рядом влиятельных депутатов рейхстага (Густав Штреземан и Вальтер Ратенау) и, согласно утверждению Ханса Бейера, пользовались большим влиянием на правительственных чиновников и военных, «с поддержкой которых идея неделимости России стала фактически догмой».

Вместе с тем более глубокое исследование роли университетской профессуры в Германии военного времени рисует несколько противоречивую картину. Влияние профессора Хецша считается столь же значительным, как и у его коллеги и соперника Теодора Шимана. В то же время первый изображается довольно одинокой фигурой среди своих коллег по изучению России из-за его исключительно прорусской позиции. Фишер пошел еще дальше, сделав вывод, что русская концепция Хецша «потерпела сокрушительное поражение» от ее противников.

Разумеется, степень влияния сторонников различных концепций на принятие руководством страны политических решений невозможно измерить сколько-нибудь точно. Нельзя также не учитывать важность национальных обычаев и традиций, которые сторонники русской концепции Хецша взяли себе на вооружение. Эммануил Бирнбаум своевременно напоминает нам, что во всех германских партиях имелись как прорусские, так и антирусские фракции. Надо, следовательно, видеть различие между влиянием Хецша на ранней фазе войны, которое, очевидно, было не слишком большим, и следующими факторами: влиянием русской концепции в период усилий, предпринимаемых сторонами по заключению сепаратного мира (1915—1916 гг.); падением ее влияния во время переговоров в Брест-Литовске; медленным, но очевидным усилением этой политической жизни летом 1918 года.

Приверженцы другого направления, польской концепции, были тесно связаны со сторонниками «Средней Европы» и даже считались частью этого более разностороннего движения. Цель, которая определялась этой концепцией, заключалась в восстановлении единой Польши, тесно связанной с центральными державами. Ее следует рассмотреть прежде всего из-за влияния, оказываемого на другие идеи и взгляды, особенно на русскую концепцию и политику заигрывания центральных держав с украинским национальным движением. Подобно другим концепциям, она рассматривается здесь в первую очередь как фактор влияния на принятие решения официальными германскими кругами в отношении Украины перед Февральской революцией 1917 года. Ее значение становится очевидным, когда принимается во внимание тот факт, что Австро-Венгрия в начале августа 1914 года открыто призвала к восстановлению Польши и больше никогда не отказывалась от реализации этой цели. План, известный как австро-польское решение, имел целью создание польского государства в рамках австро-венгерской федерации, но под опекой Берлина и Вены.

Кроме того, ряд весьма высокопоставленных и влиятельных политиков и военных можно было смело причислить к сторонникам польской концепции. Среди них граф Богдан Франц Серватиус фон Гуттен-Чапски, ведущий эксперт рейха по Востоку на начальном этапе войны. Этот прусский аристократ польского происхождения, пользовавшийся полным доверием Верховного главнокомандования и самого кайзера, имел большие связи с германским МИД. Он открыто выступал за восстановление «исторической Польши», которая должна была включить Литву и значительные территории Белоруссии, а также и Украины. Один польский историк назвал генерала Ханса Гартвига фон Безелера, генерал-губернатора оккупированной немцами Польши, «наиболее пылким защитником независимости Польши, тесно связанной с Германией». Если даже Германии и не удалось принять определенного решения по жизненно важному вопросу о будущем Польши, польский фактор играл наибольшую роль в разработке и проведении «остполитик» рейха. Этот вопрос стал темой почти всех переговоров между Берлином и Веней, и ни одной территории так близко их исход не касался, как Украины.

Правительство Германии никогда не отдавало явного предпочтения какой-либо из концепций, конкурировавших между собой в годы Первой мировой войны. События на фронте и политические перемены за рубежом играли гораздо большую роль в определении «остполитик» рейха, чем одна из них.

Проще говоря, украинская концепция отсутствовала вовсе, хотя «Восточная Европа» Рорбаха была наиболее близка к ней по духу. В Германии военного времени, однако, существовала украинская политическая организация, которая, хотя ее и трудно сравнить с одним из вышеперечисленных концептуальных движений, играла определенную роль в развитии «остполитик» рейха, особенно в осуществлении его планов в Украине во время Первой мировой войны. Она называлась Союз за освобождение Украины¹, и ее деятельность вносила важные ориентиры в планы Германии и Австрии относительно Украины в тот период. Организация была создана 4 августа 1914 года во Львове (официальное название Лемберг), тогда входившем в состав Австро-Венгрии, группой украинских политических эмигрантов из России в тесном взаимодействии с австрийскими украинскими лидерами из Галиции. Это событие ознаменовало резкий отход Вены от традиционной политики сотрудничества с Россией в борьбе против различных революционных организаций и подрывных элементов.

С самого начала Союз решил оставаться надпартийной политической организацией эмигрантов из Восточной Украины (бывших российских граждан из Центральной Украины). Главная цель, которую он ставил перед собой, состояла в восстановлении независимого украинского государства. В представлении большинства руководителей Союза и его сторон-

¹ Союз за освобождение Украины иногда называют Бундом.

ников оно должно было стать социалистическим. Лидеры Союза с самого начала твердо придерживались линии на отделение Украины, в то время как большинство национальных лидеров центральной (российской) ее части занимали автономистскую и федералистскую позицию. Убедительным примером такой позиции, исходящей из осознания неготовности украинского национального движения бороться за полную независимость, является точка зрения одного из лидеров этого движения Симона Петлюры, высказанная в письме от 21 декабря 1914 года западноукраинскому лидеру и представителю Союза в Швеции, Норвегии и США Осипу Назаруку.

Вскоре Австро-Венгрия и Германия признали Союз как орган, представляющий интересы украинцев, проживающих не только на территории центральных держав, но и европейских стран, особенно нейтральных. Первоначально функции связного между Веной и Союзом выполнял австрийский чиновник невысокого ранга, консул Эммануил Урбас. Для его работы австро-венгерские власти выделили необходимые денежные средства, обеспечили своего представителя телеграфной, курьерской и транспортной службами. Представителем рейха, которому поручили работать с Союзом, был немецкий консул во Львове Карл Хайнце. Однако в начальный период (август – ноябрь 1914 года) эта украинская организация находилась целиком в ведении Австрии.

Союз начал свою деятельность с анонимного обращения «К украинскому народу России», подготовленного во Львове в начале августа 1914 года и уже завизированного – «К общественности Европы» от 25 августа того же года. Под ним стояли подписи членов Совета: Дмитра Донцова, Мыколы Зализняка, Володымыра Дорошенко, Андрия Жука, Олександра Скоропис-Йолтуховского и Мариана Меленевского (Басока). Донцов и Зализняк вскоре после этого покинули организацию. Последний продолжил сотрудничество с австрийцами в частном порядке и сыграл определенную посредническую роль во время переговоров в Брест-Литовске в 1918 году.

Вскоре руководители Союза подготовили еще одно обращение, предложив монархам Германии и Австро-Венгрии подписать его и затем опубликовать в виде манифеста к украинскому народу. Разумеется, это было бы равноценно открытой декларацией двух держав, выражавшей поддержку украинскому национальному движению и предлагаемым программам. Вена, как утверждают, отвергла этот план (скорее всего, без консультаций с Берлином). Даже анонимное обращение в начале августа, когда, как полагают, около полумиллиона копий было уже отпечатано, поступил приказ уничтожить. Все эти обращения и заявления, видимо, готовились по инициативе украинской стороны, вместе с тем сохранившиеся австрийские документы не содержат никаких сведений о подобных планах. Согласно официальному источнику, среди ранних публикаций Союза имелись следующие памфлеты: «Борьба против царизма» Парвуса (доктора Александра Гельфанда) – 3000 копий; «Простые речи» Л. Мартова – 3000; анонимное обращение «К солдатам русской армии» – 50 тысяч. Тот же источник предлагает список служащих Союза – полной и частичной занятости, – состоящий из 42 человек.

Между тем в конце августа 1914 года Союз перевел свою штаб-квартиру в Вену. Затем Восточную Галицию заняли русские войска, и вскоре под их контроль перешел и Львов. Это сделало Вену естественным прибежищем для Союза. Переезд организации и тот факт, что она стала функционировать на австрийской земле, не следует, однако, считать подтверждением существования какого-то определенного австрийского плана в отношении Украины или намерения поддерживать национальное движение. Правда, несколько членов Союза жили и работали в Австрии задолго до начала войны, потому что там они могли рассчитывать на поддержку и сотрудничество украинцев-галичан. Более того, именно Австро-Венгрия, а не Германия должна была оккупировать Украину в случае победы центральных держав на Востоке. Однако деятельность Союза вскоре активизировалась и в Германии, где он

рассчитывал получить поддержку, хотя бы в отдельных кругах, для достижения конечной цели – освобождения Украины. Лидеры галичан-украинцев вновь оказали помощь в налаживании отношений между Союзом и Берлином. Наибольшая заслуга в этом деле должна принадлежать Косте Левицкому и Мыколе Васылько – депутатам австрийского парламента.

Первоначально деятельность Союза финансировала австро-венгерская монархия, затем Вена и Берлин совместно, но открыто ни германское, ни австрийское правительства не принимали на себя какие-либо обязательства по созданию независимого украинского государства и не считали это частью своей официальной политики. Согласно утверждению Дорошенко, Союз получал средства от немцев и австрийцев в качестве «займа», за который будет рассчитываться будущее украинское правительство, «ядром» которого он себя считал. Лидеры Союза, большинство которых были социалистами, находили унижительным принимать финансовую поддержку от центральных держав и просили Вену – первоначального донора – согласиться на «принцип займа». Однако австро-венгерская монархия отказалась от такой постановки вопроса. Тогда руководство Союза устно заверило, что вернет эти средства австрийскому правительству в будущем. В немецких документах отсутствуют доказательства того, что Союз считал себя ядром будущего украинского правительства. Ни Берлин, ни Вена определенно не гарантировали ему такой статус. Сумма, полученная от Австрии в начальный период сотрудничества – август – декабрь 1914 года, – равнялась 227 994 крон. Значительная часть этих средств была потрачена на улучшение библиотеки, а также покупку необходимого оборудования и мебели.

Австрия поддерживала деятельность Союза в первую очередь исходя из военных соображений. Приходилось поощрять все усилия, которые были направлены на ослабление России или могли привести ее к полному поражению. А при устранении хотя бы одного из противостоящих союзников легче могла решиться задача по прорыву блокады центральных держав. Вене требовалась особая осмотрительность в этой игре. Взяв на себя обязательства по решению польского вопроса и опасаясь роста политической активности разных народов империи, она, по мнению влиятельного австрийского дипломата графа Оттокара фон Чернина, просто не могла позволить себе поощрять движения, добивающиеся расчленения России, поскольку это могло нанести смертельный удар по системе, на которую опиралась сама австро-венгерская монархия. Граф Александр фон Хойос, секретарь австрийского МИД, также усматривал в поддержке украинского движения рискованное предприятие, но был готов продолжать подобную деятельность из убеждения, что только «внутренние беспорядки» смогут ослабить «восточного колосса». Хотя украинское предприятие санкционировал австрийский МИД, большинство официальных лиц империи относилось к нему критически. До самого конца оно оставалось для Вены «нежеланным ребенком».

Отношение Германии к украинскому движению на ранней фазе войны (август – ноябрь 1914 года) было еще более осторожным, несмотря на то что Берлину не приходилось сталкиваться с дилеммами, подобными тем, перед которыми стояла Вена при решении деликатных и крайне острых национальных вопросов на Востоке. Граф фон Гуттен-Чапски как эксперт по данному региону в ставке Верховного главнокомандования получил от кайзера указания следить за национальными движениями поляков, евреев, украинцев и других народностей, населявших Россию, с целью их возможного использования в военных интересах Германии. То обстоятельство, что Гуттен-Чапски был заинтересован прежде всего в восстановлении «исторической Польши», ограничивало возможности сотрудничества рейха с другими национальными движениями на Востоке, поскольку Польша, как таковая, должна была включать в себя значительные территории Украины, Белоруссии и Литвы. Хотя в сентябре 1914 года Гуттен-Чапски ушел с поста главного эксперта рейха по национальным вопросам, он не утратил прямого доступа к кайзеру, а его влияние на германское правительство оставалось, как полагают, весьма значительным даже после середины 1917 года.

Лишь после отставки Гуттен-Чапски и разочарования Вены в украинском движении в конце 1914 года Германия приступила к тесному сотрудничеству с Союзом. Непосредственную ответственность за эту сферу деятельности несли генерал Эмиль Фридрих и капитан Вальтер фон Люберс из военного министерства, а также Йозеф Траутман и Диего фон Берген из МИД. Из них наиболее важной фигурой был, видимо, Берген, поскольку он являлся будущим экспертом МИД по «революциям». Среди других высокопоставленных немцев, работавших с Союзом, были Фридрих фон Шверин, прусский чиновник (президент-администратор округа Франкфурт-на-Одере) и близкий друг заместителя госсекретаря Артура Циммермана, а также его помощник доктор Эрих Койп. Шверин и Койп пользовались в Германии широкой известностью как разработчики аннексионистских планов, предусматривавших получение на Востоке новых территорий. Официально Союз и германский МИД не поддерживали никаких контактов. Союз получал финансовую поддержку и оставался под общим контролем посреднического агентства Франкфурта-на-Одере, учрежденного Шверинем и Койпом (при содействии генерала Фридриха) специально для этой цели. Дипломатические представители рейха в столицах нейтральных государств, такие как барон Гельмут Луциус фон Штеттен (Стокгольм), барон Гисберт фон Ромберг (Берн) и граф Ульрих фон Брокдорф-Ранцау (Копенгаген), также принимали активное участие в попытках Германии революционизировать Восток. Они намеревались осуществить это при помощи Союза за освобождение Украины, Лиги нерусских народов, а также различных социалистических группировок России. В архивах германского МИД хранятся сотни депеш, меморандумов и других дипломатических документов, касающихся тесного сотрудничества названных германских дипломатов и представителей Союза за рубежом. Наиболее активными и результативными центрами по добыванию информации по Украине являлись те, что действовали в Берне, Лозанне и Константинополе. Лига нерусских народов, поощряемая и финансируемая немецкой стороной, вела аналогичную деятельность и отличалась от Союза прежде всего своим многонациональным составом. Основным посредником между официальными германскими кругами и российскими социалистическими группировками за рубежом являлся известный двойной агент Александр Гельфанд (Парвус). Как полагают, Парвус принимал участие в различных проектах по Украине и служил посредником в сделках Союза с русскими социалистами (например, Лениным В.И., Раковским Христианом Г., Радеком Карлом Б.).

Хотя заместитель госсекретаря Циммерман считал необходимым поощрять руководителей Союза в частном порядке посредством выражения сочувствия их усилиям, на официальном уровне Германия не брала на себя никаких обязательств и заботилась о сохранении свободы действий на Востоке. Бетман Гольвег особенно осторожничал в этой игре. Нет никаких свидетельств того, что он обещал на каком-то этапе, даже в частном порядке, поддержку украинскому движению. Разумеется, Циммерман и другие германские чиновники, поддерживавшие связи с Союзом, делали это с ведома Гольвега. Однако до определенных обязательств со стороны канцлера «откатить Россию назад», по выражению Фишера, и создать цепочку прогерманских «буферных государств» на Востоке, в которой Украина занимала бы центральное положение, было еще далеко. В самом деле, утверждение Фридриха фон Майнеке, будто Бетман Гольвег «не хотел ничего слышать об украинцах» даже в конце мая 1918 года из-за глубокого убеждения в том, что Россия восстановится, в равной степени справедливо для раннего периода германской «остполитик». Позицию Бетмана разделяло подавляющее большинство высокопоставленных лиц Германии.

Весной 1915 года Союз перенес свою штаб-квартиру из Вены в Берлин. Это событие произошло по инициативе украинской стороны и не удивило тех, кто был знаком с деятельностью Союза. Основной причиной, обусловившей данный шаг, явилось, несомненно, решение Австрии отказаться от плана революционизирования Украины. К началу декабря 1914

года австро-венгерское правительство пришло к выводу, что украинское движение может представлять пользу лишь в том случае, если австрийские войска войдут в зону распространения его влияния. Военная обстановка стала решающим фактором для принятия этого решения, хотя сыграли свою роль и другие соображения. Вена не удовлетворяли результаты деятельности украинских организаций, а также настораживал подъем украинского национализма в Галиции. Кроме того, она все больше полагалась на поддержку поляков. Обстановка стала критической 17 декабря 1914 года, когда ежегодную субсидию Союзу урезали на 50% (с 200 тысяч до 100 тысяч крон). Вена серьезно ограничила деятельность Союза и порекомендовала ему перенести штаб-квартиру в Софию или Константинополь. Еще одно пожелание касалось переноса штаб-квартиры Союза в Швейцарию.

Лидеры Союза, однако, возражали против поспешного переезда в какую-либо второстепенную столицу, поскольку опасались, что это могло ослабить и дезориентировать все движение. Они также справедливо полагали, что австрийцы не смогут оборвать все связи с организацией. Последовали затяжные переговоры, и к апрелю 1915 года так или иначе большинство австро-украинских противоречий было разрешено. Союзу разрешили остаться в Вене и гарантировали годовую субсидию в 100 тысяч крон наряду с такой же суммой, предоставляемой Германией. Все равно отношения Союза с Веной оставались натянутыми, и все же было принято решение перевести штаб-квартиру в Берлин. Нет никаких свидетельств какого-либо недопонимания или соперничества на данном этапе между Австрией и Германией в украинском вопросе. Выбор Берлина отражал надежды Союза на лучшее понимание его программы в Германии, так же как и веру в то, что будущее восточных территорий будет решаться скорее в Берлине, чем в Вене.

Разрыв с Веной, однако, не означал, что Союз полностью свернул свою деятельность на территории Австро-Венгрии. В целом ему больше пришлось сотрудничать с Берлином. С германской помощью были запущены вскоре новые программы и проекты, которые Австро-Венгрия также считала себя обязанной поддерживать, часто с опозданием и преодолевая недовольство.

Деятельность Союза можно условно разделить на пять направлений: 1) информационная и политическая работа на территории центральных держав и нейтральных государств; 2) пропагандистская деятельность на Восточном фронте, направленная в первую очередь на украинских военнослужащих царской армии; 3) работа с украинцами-военнопленными в Германии и Австрии; 4) разведывательная деятельность и «специальные мероприятия» за линией фронта; 5) работа на украинских территориях, оккупированных Германией и Австрией (в частности, Холмская область).

Кроме штаб-квартиры в Вене или Берлине Союз имел во время войны два информационных центра в Швейцарии, а также располагал временными офисами в Швеции, Норвегии, Румынии, Италии, Болгарии, Турции, Великобритании и США. Он не только готовил пропагандистские материалы на языках этих стран, но также на венгерском, чешском, хорватском и русском языках. Но наиболее впечатляющей была деятельность Союза в центральных державах. Помимо изложения «Пяти основных украинских тезисов» он публиковал материалы, служившие основой для аналогичных германских и австрийских публикаций. Официальным печатным органом Союза выступал «Вестник Союза освобождения Украины» на немецком и украинском языках. Судя по сведениям, полученным из австрийского источника, Союз за четыре года своего существования опубликовал около 150 материалов – книг, памфлетов, периодических изданий.

Вклад Союза в разведывательную деятельность и специальные мероприятия немцев и австрийцев за линией фронта, видимо, был крайне незначительным. Австрийцы первыми стали проводить работу, связанную с направлением в Россию пропагандистов с целью революционизирования украинских масс. К декабрю 1914 года линию фронта пересекли только

три человека. Данных о результатах этого «эксперимента» не имеется. На этом этапе войны Вена также участвовала в осуществлении так называемого «турецкого проекта». Проект предусматривал высадку отряда украинских добровольцев численностью в 500 человек на северном побережье Черного моря (в качестве одного из районов операции предполагалась Кубань). Берлин и Вена разрабатывали этот план совместно, но он так и не был реализован. Данный план не вызывал у лидеров Союза особого энтузиазма. Они доказали невозможность организовать такой отряд из-за отсутствия подготовленных людей. В равной степени сыграло свою роль отчуждение между Веной и Союзом, наметившееся к концу 1914 года и продолжавшееся до 1917-го.

В 1916 году немцы оказали помощь Союзу в направлении через линию фронта нескольких пропагандистов. Нет сведений о том, что в тот период немцы финансировали другие мероприятия подобного рода. Таким образом, Союз фактически утратил связь с русской Украиной. Надежный источник Союза сообщает только об одном человеке, который совершил за время войны две поездки из Украины в Германию. Незадолго до русской революции немцы вновь попытались воспользоваться помощью украинцев в осуществлении специальных мероприятий за линией фронта. В январе 1917 года военное министерство рейха начало вербовку украинских военнопленных для проведения пропагандистских и подрывных операций в тылу противника. Часть этого контингента предназначалась для отправки туда под видом беженцев, инвалидов или пользуясь каким-то другим прикрытием. Неизвестно, осуществились ли подобные мероприятия в действительности и предлагались ли они немцами. Очевидно, весь этот план провалился из-за отсутствия энтузиазма со стороны руководителей Союза.

Пропаганда на Восточном фронте, адресованная украинским солдатам русской армии, началась в начале августа 1914 года и продолжалась в той или иной форме всю войну. Ее эффективность, однако, представляется весьма незначительной.

Большой эффект имела культурная и просветительская работа Союза на территориях, оккупированных немцами и австрийцами в ходе военных кампаний 1915—1916 годов в Холме, Подляхии и некоторых районах Западной Волыни. Организация обращала особое внимание на Холм, считая его частью украинской территории и испытательным полигоном для проверки решимости Германии и Австрии осуществить свои военные планы в отношении всей Украины.

Отношение германского командования к украинцам на оккупированных территориях было более гуманным, нежели австро-венгерского. Вена в то же время не только разрешала, но и содействовала культурной и просветительской работе Союза и соотечественников-галичан среди украинцев Волыни. Однако она занимала совершенно иную, явно пропольскую позицию в отношении Холма и Подляхии.

Работа Союза среди украинских военнопленных не только считалась основным направлением деятельности, но и была той сферой, где Союз добился наибольших успехов. В первые месяцы войны представителям Союза разрешили посещать лагеря военнопленных в Австро-Венгрии и Германии для определения численности интернированных украинцев. Они использовали предоставленную возможность для улучшения положения пленных, хотя те и не обладали достаточной степенью национального самосознания, чтобы заинтересоваться программными документами Союза. Число лиц данной категории, согласно украинскому источнику, приближалось к 500 тысячам. Официальные германские службы называют цифры 300 тысяч человек (по состоянию на август 1918 года). Учитывая неопределенность термина «украинцы» и в свете того факта, что из этих граждан весной 1918 года было сформировано и отправлено на Восток для борьбы с большевиками две дивизии, данные обоих источников не слишком разнятся. Каково бы ни было точное число плененных украинцев, они составляли вторую по численности национальную группу людей, захваченных войсками

центральных держав в ходе данной кампании. Союз справедливо рассматривал работу среди них в качестве важнейшей задачи.

Весной 1915 года австрийские власти по просьбе Союза разрешили создание двух специальных лагерей для украинских военнопленных. Постепенно число находящихся в них лиц достигло 30 тысяч человек. Три подобных лагеря (50 тысяч военнопленных в каждом) были созданы в конце того же года в Германии. Это произошло только после того, как Союзу удалось устранить ряд препятствий, наиболее серьезным из которых было возражение германского МИД против разделения военнопленных по такому принципу. Важно подчеркнуть, что вскоре после этого немцы разрешили создать специальные лагеря для русских грузин и мусульман (поляки и финны были отсеяны раньше).

Решение украинцев и других нерусских военнопленных переселиться в специальные лагеря, видимо, вело к далеко идущим последствиям для них самих и членов семей. В случае победы русских или заключения сепаратного русско-германского мира возвращение их на родину не гарантировалось.

Хотя в начале этого процесса лишь немногие украинцы, переведенные в специальные лагеря добровольно, обладали настолько сильным национальным самосознанием, чтобы поддержать позицию Союза, они все же были потенциальными сторонниками украинского национального движения. Руководители Союза верили, что в нужное время эти военнопленные примут их сторону. И они не ошиблись. Но задача, стоявшая перед Союзом, была не из легких, несмотря на то что ему предоставлялась полная свобода действий с одной оговоркой в виде запрета на пропагандистскую деятельность против Германии и Австро-Венгрии.

В целом период с августа по декабрь 1914 года следует рассматривать как время наиболее активного сотрудничества украинского движения с центральными державами за первые три года войны. Основными фигурами в этой игре были Союз за освобождение Украины и австрийский МИД. Несмотря на многочисленные заявления и публикации, в которых выражалось сочувствие украинскому национальному движению и имевшее место в данный период в Германии стремление кайзера Вильгельма всячески поощрять развитие движения, вначале это было практически полностью австрийское предприятие. Кайзер был слабо информирован о восточных территориях и еще меньше об Украине. Как это происходило со многими другими идеями и предложениями Вильгельма II в ходе войны, его настойчивые призывы обеспечить полную поддержку рейхом украинской «революции» не воспринимались германским МИД всерьез – или воспринимались в значительно меньшей степени, чем некоторыми позднейшими исследователями этого периода.

К декабрю 1914 года Вена разочаровалась в украинском движении. Тем не менее она сохранила связи с Союзом и продолжала оказывать ему финансовую поддержку, хотя и в значительно меньшем объеме. Обычно ежемесячная субсидия организации составляла около 25 тысяч марок – довольно скромная сумма, если учитывать просветительскую работу Союза среди почти 80 тысяч украинских военнопленных, его издательскую деятельность и многое другое. Австро-венгерская монархия продолжала считать свою ограниченную поддержку Союза необходимой мерой до весны 1917 года, пока новые события на Востоке не вынудили МИД восстановить тесные отношения с организацией.

Весной 1915 года, вслед за переносом штаб-квартиры Союза в Берлин, он активизировал деятельность в Германии. С этого времени его программы финансировались и Австрией и Германией. Союзу также негласно выделяла средства частная немецкая организация Посредническое агентство Франкfurта-на-Одере во главе с Шверином. Как и Вена, Берлин стремился сохранять полную свободу действий на Востоке. Позиция Верховного командования рейха по отношению к Украине до Февральской революции 1917 года, по сути, была такой же.

В сложный для России революционный период ни Берлин, ни Вена не имели каких-либо планов в отношении Украины. Нет сомнений, что они отказались бы от Союза и идеи поддержки украинского движения ради заключения сепаратного мира с русским правительством, готовым уступить требованиям центральных держав. Однако украинский «козырь» сохранялся, чтобы его можно было использовать в удобный момент. Это отнюдь не означало, что официальные германские и австрийские круги переоценивали его значимость.

Глава 3

Германские планы в отношении восточных территорий и русской революции

В ходе Первой мировой войны ни одно событие не повлияло на общую обстановку на восточных территориях сильнее, чем Февральская революция 1917 года в России. Она приветствовалась там как событие, которое во многом способствовало окончанию войны, по крайней мере на Восточном фронте. Революция послужила активизации организаций различной идеологической направленности, которые заявили о себе в Германии с началом войны. Сторонники этих концепций почувствовали, что революция дала дополнительные шансы для реализации их программ, они использовали все доступные средства, чтобы их политические взгляды были положены в основу официальной политики Германии. Сторонники Рорбаха и украинцы, объединившиеся вокруг Союза за освобождение Украины, тоже проявляли активность в надежде привить свой образ мышления политическому и военному руководству рейха.

Официальные германские лица, однако, проявляли осторожность и продолжали мыслить скорее в духе выхода России из войны, чем рассчитывали на окончательное расчленение Российской империи. (Изменение северо-восточных границ Германии в лучшую сторону из-за отхода от России части территории Прибалтики не считалось противоречащим второй из упомянутых двух позиций.)

Учреждение Центрального украинского Совета (Центральной рады) в Киеве в марте 1917 года, несомненно, произвело на немцев сильное впечатление, но они не знали, как далеко украинцы готовы пойти в своих требованиях, а также насколько эффективной и популярной у населения будет эта региональная администрация. Вместе с тем одним из первых шагов, предпринятых лидерами Рады, было заверение в верности Временному правительству во главе с князем Львовым Г.Е. в Петрограде. Все, чего они добивались на данном этапе, сводилось к удовлетворению «справедливых требований украинского народа и его демократической интеллигенции – культурной автономии». Тот факт, что Раду возглавлял известный украинский историк, а также наиболее уважаемый и признанный национальный лидер Мыхайло Хрущевский, который в предвоенные годы возглавлял кафедру истории во Львове, столице Западной Украины (тогда часть Австро-Венгрии), мало что меняло. С началом Первой мировой войны профессор Хрущевский, видимо, для того, чтобы раз и навсегда отмести обвинения в свой адрес о безоговорочной поддержке Австрии, добровольно вернулся в Украину. Он был немедленно арестован российскими властями и выслан. Немцы также были хорошо осведомлены, что Хрущевский по возвращении из Австрии публично критиковал прогерманский Союз освобождения Украины. (Он подтвердил свое негативное отношение к данной организации в мае, а затем в сентябре 1917 года уже в качестве главы Рады.) Таким образом, позиция Хрущевского и тот факт, что ни одного влиятельного члена Рады нельзя было рассматривать в качестве сторонника Германии, усиливали сомнения, уже имевшиеся в официальных кругах рейха, относительно того, насколько можно рассчитывать на украинское движение при решении вопроса о выводе России из войны.

События в Украине после Февральской революцией 1917 года произвели гораздо большее впечатление на германские журналистские и ученые круги, чем на власти. Все происходящее тщательно изучалось и анализировалось различными правительственными учреждениями, но они не повлияли на официальные взгляды, в результате чего германские планы в отношении Украины после Февральской революции не претерпели серьезных изменений. Польская проблема продолжала занимать в них особое место, но еще более важным оказа-

лось желание Берлина и Вены договориться с новым русским правительством. Бетман Гольвег и Чернин наглядно продемонстрировали это стремление, провозгласив 27 марта 1917 года (по новому стилю) «мирную программу». Австро-Венгрия была особенно заинтересована в скорейшем окончании войны на Востоке. Продовольственный вопрос в государстве крайне осложнился. Чернин сообщил немцам, что продолжение боевых действий приведет к краху габсбургской империи – точка зрения, которую разделяли другие руководители Австро-Венгрии. Германское Верховное командование, не возражая открыто против мирных шагов, сохраняло пессимизм в отношении возможного успеха и рекомендовало проявлять сдержанность при обсуждении вопросов с новыми политическими силами на Востоке. «Начало русской революции, – писал генерал Людендорф, – явилось тем фактором в ходе войны, который ни один генерал не осмелился бы учитывать с полной определенностью».

Бесконечные споры между политическим и военным руководством рейха, а также с их австро-венгерскими партнерами относительно целей центральных держав на Востоке продолжались и в 1918 году. Они ясно показывают неопределенность и отсутствие четких планов, касающихся региона в текущий период. Краткий обзор деятельности Союза освобождения Украины в Германии и Австро-Венгрии после Февральской революции еще больше показывает нерешительность и смятение, сопровождавшие выработку конкретной программы действий относительно Украины как Берлина, так и Вены в течение 1917 года – решающего в войне.

Украинские военнопленные в Германии и Австрии с большим энтузиазмом встретили крах царской империи, но немецкие и австрийские власти не спешили использовать эти настроения с выгодой для себя. Лишь в апреле 1917 года немцы согласились, по просьбе Союза, создать специальный лагерь военной подготовки украинских военнопленных-офицеров в Ганновере-Мюндене. Через два месяца, в июне 1917-го, Вена последовала немецкому примеру, создав такой же лагерь для украинских офицеров в Иосифштадте (на австрийской территории). (В 1915 году немцы сформировали финский добровольческий батальон, а в 1916 году – грузинский легион.)

Австрийцы испытывали меньший энтузиазм в отношении перспектив формирования воинских частей из украинских военнопленных, чем немцы. В августе 1917 года МИД рекомендовал Верховному командованию Австро-Венгрии обратить особое внимание на пропагандистскую деятельность Союза в украинских лагерях. Согласно этим рекомендациям украинское движение предлагалось ориентировать против России. Следовало не заострять внимание на украинско-польских разногласиях или, по крайней мере, преуменьшать их значение. Однако, несмотря на большую заинтересованность немцев в таком плане, Берлин и Вена согласились на переброску некоторых из этих частей в Украину лишь после заключения сепаратного мира с Радой в феврале 1918 года.

Нет каких-либо свидетельств того, что немцы играли какую-нибудь роль в процессе «украинизации» Южного фронта и создании в течение 1917 года сепаратных украинских формирований. Различные военные инстанции немцев регулярно докладывали по данному вопросу, но явно не придавали ему большого значения.

Весь 1917 год германский МИД занимался сбором доступной информации о событиях в Украине: о деятельности различных партий и организаций, а также о чаяниях простых украинцев. Немцы получали сведения в основном из следующих источников:

- 1) сообщения с Восточного фронта и от германских дипломатов в Швеции, Дании и Швейцарии;
- 2) материалы различных германских экспертов;
- 3) бюллетени и другие публикации Украинского пресс-бюро в Лозанне, а также других украинских информационных агентств.

В целом немцы предпочитали оставаться в тени, ограничиваясь такими незначительными мерами, как публикация украинской литературы, благодаря которой они надеялись, говоря словами канцлера Георга Микаэлиса, «стимулировать процесс дезинтеграции России изнутри». Хотя и ранее некоторые украинские публикации уже переправлялись в небольших количествах через линию фронта, немцы решили обратить особое внимание на распространение книг и пропаганду лишь с осени 1917 года. Ответственные официальные лица отнеслись к данному вопросу довольно серьезно. Канцлер Микаэлис и Гертлинг лично интересовались продвижением этого проекта. Данный проект осуществлялся под непосредственным контролем военного министерства Германии. Якову Оренштейну, издателю-еврею и бизнесмену из Галиции, предложили контракт на публикацию этих материалов. Для чего предусмотрены средства – в 250 тысяч марок. Осуществление проекта началось с публикации 50 тысяч экземпляров избранных поэм выдающегося украинского поэта Тараса Шевченко. Документ с Оренштейном подписал генерал Эмиль Фридрих из военного министерства, но в его практической реализации участвовали также Рудольф Надольны из МИД и граф Бото фон Видель, германский посол в Вене. В целом данное предприятие оказалось весьма успешным, книги, изданные Оренштейном, до сих пор хранятся во многих библиотеках.

Другой мерой, призванной способствовать украинско-германскому сближению на том этапе, стала отправка в Брест-Литовск сформированного в Германии небольшого отряда украинцев во главе с казачьим ротмистром с литературой, плакатами и прочими пропагандистскими материалами.

Масштабы несколько возросшей финансовой помощи Берлина и Вены Союзу за освобождение Украины накануне Февральской революции 1917 года не идут ни в какое сравнение с «неиссякаемым потоком средств по разным каналам и под различными вывесками» (они намного превышают суммы, выделенные Союзом), которые направлялись немцами большевикам весной и летом 1917 года. Еще более щедрую помощь предоставляли своим сторонникам на Востоке союзники. На этом этапе германские официальные круги продолжали испытывать серьезные сомнения относительно значимости украинского движения. Они знали об отсутствии стремления у руководителей Рады в относительно более тесного сотрудничества с центральными державами. Поэтому неудивительно, что германская финансовая помощь Союзу в 1917 году составила всего лишь несколько сотен тысяч марок, а австрийская – лишь 60—70 тысяч крон.

Увеличение финансирования Германией Союзу произошло в основном за счет выделения 250 тысяч марок на издание украинской литературы Оренштейном. Ежемесячные субсидии (предназначенные большей частью для расходования на просветительскую работу среди 80 тысяч украинских военнопленных, размещенных в специальных лагерях в Германии и Австрии) составляли около 25 тысяч марок. Общие расходы Союза за трехлетний период (1915—1917 гг.) составили 743 295 марок. Немцы финансировали также украинские информационные центры в нейтральных странах, однако для этих нужд выделялись небольшие суммы. Например, информационное бюро в Лозанне – наиболее активный зарубежный украинский пропагандистский центр, спонсируемый немцами, – получало в качестве ежемесячной субсидии 5000 швейцарских франков. Любопытно, что немцы продолжали финансовую поддержку деятельности Союза среди украинских военнопленных весь 1918 год. В это время финансирование было урезано до 12 тысяч марок. (Два украинских правительства, сформированные во время немецкой оккупации в 1918 году, не имели ничего общего с продолжением финансирования Союза и, насколько известно, не одобряли, но и не критиковали программы.) Что касается Австро-Венгрии, то материалы одного австрийского исследования свидетельствуют о «нескольких больших суммах», выделенных Союзом в тот период: 38 тысяч крон – в октябре 1917 года и 12 тысяч – в декабре того же года! В апреле 1918-го орга-

низация получила от Вены еще 30 тысяч крон, а в последующие месяцы вынуждена была обходиться ежемесячными субсидиями 3000 крон.

Между тем только Парвусу (Александру Гельфанду) выделялись миллионы на оплату деятельности русских социалистов, как в России, так и за рубежом. Госсекретарь германского МИД Рихард фон Кюльман лично занимался этими программами. Незадолго до прихода к власти в России Ленина Кюльман в обращении к ставке Верховного командования прямо заявил, что «большевистское движение никогда не достигло бы того размаха и влияния, которыми сейчас пользуется, без нашей постоянной поддержки». Большевики, таким образом, были, очевидно, основными получателями германской финансовой помощи. Общая сумма, выделенная Германией на подрывную деятельность в России за период войны, разнится: цифра, которую приводит Эдуард Бернштейн, – 50 млн марок; исследователи же, изучавшие проблему по новым источникам, настаивают на 30 млн.

Доказательств прямой финансовой помощи Германии Центральной раде или каким-либо другим политическим силам, действовавшим на Украине в это время, не имеется. Таким образом, перспектива сотрудничества с Киевом через Союз за освобождение Украины не выглядела привлекательной, несмотря на возросшую поддержку этой организации рейхом после русской революции. Рада продолжала относиться настороженно к германским планам на Востоке и не оставляла надежды разрешить украинскую проблему в рамках общероссийской федерации. 15 апреля 1917 года Союз открыто заявил об окончании «официального мандата». Он в будущем обещал ограничиться деятельностью среди украинских военнопленных и по защите украинских интересов на территории, оккупированной немцами и австрийцами. Тем не менее отношения между Союзом и Радой не улучшились. Последняя была вынуждена неоднократно констатировать, что не имеет «ни официальных, ни каких-либо иных связей с Союзом за освобождение Украины в Германии». Еще более важными, чем осторожная позиция Рады в отношении Германии, представляются туманность и неопределенность планов Берлина на Востоке. Все это прослеживается во взаимоотношениях рейха с Союзом и другими подобными организациями в Германии, от которых Берлин мог легко отмежеваться, когда этого требовали высшие интересы.

В период между Февральской революцией и началом мирных переговоров в Брест-Литовске в декабре 1917 года центральные державы предприняли очередную попытку сформулировать и согласовать свои военные цели. По понятным причинам Германия играла в разработке этой программы более важную роль, чем Австро-Венгрия. Вслед за принятием совместной австро-германо-польской декларации от 5 ноября 1916 года, в разработку которой внес весомый вклад Бетман Гольвег, появилась острая необходимость прояснить позиции государств в военных вопросах. Напряженность усиливалась по мере того, как влиятельное Верховное командование продолжало настаивать на прежних требованиях, а президент Вудро Вильсон в январе 1917 года сделал соответствующий запрос. Важную роль при этом, естественно, сыграли радикальные перемены, происшедшие на Востоке после революции.

С марта по декабрь германские планы относительно восточных территорий разрабатывались одновременно на трех уровнях. Во-первых, на немецких конференциях высокого ранга, которые разрабатывали лишь общие целевые военные программы Германии и Австрии. Во-вторых, на совместных мероприятиях сторон, имевших целью согласовать их с Австро-Венгрией. И наконец, на рабочих встречах, консультациях обычного уровня, через составление телеграмм, меморандумов и т. д.

Одной из первых и важных конференций того периода явилась так называемая предварительная встреча 26 марта 1917 года, прошедшая в Берлине. В ней участвовали австрийская и немецкая делегации, возглавляемые соответственно Бетманом Гольвегом и Чернином. В ходе встречи стороны договорились о минимальной программе, основанной на положении в тот момент, когда началась война. В то же время они согласились, что после победы

носного завершения военной кампании Германия может рассчитывать на территории «главным образом на Востоке», а Австро-Венгрия получит компенсацию в виде определенных румынских земель. Как считает Клаус Эпштейн, соглашение от 27 марта 1917 года «оставалось фундаментальной основой германо-австрийских переговоров до отставки Бетмана в июле 1917 года. Впоследствии оно утратило свое значение». Учитывая отсутствие у Бетмана Гельвега далеко идущих планов на Востоке и его негативное отношение к украинскому вопросу, проблема будущего Украины на этой встрече не рассматривалась вообще. Только на последующих этапах обсуждения австро-германских военных целей в 1917 году Украина и ее территория стали темой для переговоров.

За встречей Бетмана – Чернина 26 марта 1917 года последовали четыре конференции в Кройцнахе (в апреле, мае, августе и декабре 1917 года). Проведение их в Кройцнахе, где располагалась ставка Верховного армейского командования в эпоху Гинденбурга – Людендорфа, свидетельствует о его влиятельности на решающей стадии войны. Хотя официально Людендорф считался помощником Гинденбурга, власть была сосредоточена в его руках. Генерал, без сомнения, играл решающую роль в формировании германской «остполитик» в течение 1917—1918 годов.

Думаю, уместно заметить, что ни один из главных участников развертывавшейся драмы не был хорошо знаком с обстановкой на восточных территориях и, следовательно, не мог считаться специалистом по России. Ни тот ни другой не проявлял особого интереса к решению украинской проблемы. Для них под Востоком подразумевалась вся Россия, а украинский вопрос оставался второстепенным, заниматься которым можно было поручить подчиненным, таким как полковник (впоследствии генерал) Макс Гофман, и рядовым сотрудникам МИД – Траутману или Бергену. Канцлеры Бетман Гольвег, Микаэлис и Хертлинг, их госсекретари по иностранным делам Ягов, Циммерман и Кюльман – все они обладали очень ограниченными знаниями о восточных территориях и их многочисленных проблемах. Гинденбург и Людендорф знали о них только из собственного опыта руководства военной администрацией на оккупированных северо-восточных территориях – опыта, который они собирались распространить на другие восточные земли.

Генерал Гофман был одним из немногих немецких деятелей (не считая тех, кто родился в Прибалтике), которые располагали достоверной информацией о восточных территориях и бегло говорили по-русски. Перед войной он много путешествовал по Украине в качестве бизнесмена, проникся сочувствием к местным жителям и их чаяниям, был в курсе последних событий, происходивших здесь благодаря таким экспертам, как Пауль Рорбах, и проведенным исследованиям. Сначала Гофман служил доверенным представителем ставки Верховного командования в Брест-Литовске, но вскоре рассорился с Людендорфом. Ему не позволили принять активное участие в формировании германской политики на восточных территориях.

Первая конференция в Кройцнахе состоялась 23 апреля 1917 года. Ее созвали по настоянию Верховного армейского командования. Несколькими днями раньше, 20 апреля, Гинденбург в письме к Бетману Гельвегу потребовал от канцлера более определенной военной целевой программы. Выступая от имени Верховного командования, Гинденбург решительно отверг идею заключения мира с Россией на основе статус-кво. По его мнению, под власть Германии должны были перейти по крайней мере Курляндия и Литва. При необходимости центральные державы могли бы компенсировать потери России австрийскими территориями – Восточной Галицией и Буковиной, населенными преимущественно украинцами. В тот же день Вильгельм II поручил канцлеру Бетману Гельвегу во взаимодействии с германскими союзниками разработать конкретный план по восточным территориям. В телеграмме кайзера упоминались Польша и прибалтийские территории, но никак не Украина. В телеграмме от 22 апреля 1917 года госсекретарь по иностранным делам Циммерман развил идею Гин-

денбурга о компенсации России за счет украинских территорий Австрии. В случае потери Восточной Галиции и Буковины Австро-Венгрия должна была получить часть Румынии, но следовало также попросить ее руководство сделать заявление об отсутствии претензий при решении будущего Польши.

Все эти идеи подверглись дальнейшей проработке на Первой конференции в Кройцнахе 23 апреля, где Германия выразила готовность проявить еще большую щедрость за счет украинских территорий. Не только России предполагалось передать Восточную Галицию в качестве компенсации за потерю Курляндии и Литвы. Польше также следовало предложить территории на Востоке, но не за счет прибалтийских земель. (Под этим подразумевалось то, что территориальная сделка между Германией и Польшей должна была совершиться за счет Украины и Белоруссии.) Можно, следовательно, сделать вывод, что, несмотря на германские сообщения об «усилении сепаратистских тенденций на Востоке и требований свободы Украине, Литве» и т. д., а также на ведущиеся разговоры о каком-то «большом предприятии» в целях усиления украинского движения, немцы в конце апреля 1917 года не располагали конкретным планом в отношении Украины.

Австро-Венгрия не участвовала в Первой конференции в Кройцнахе, Вену не проинформировали сразу и о ее результатах. Официальные представители Германии, такие как госсекретарь Циммерман, намеревались «работать» с Веной поэтапно, чтобы гарантировать принятие программы. Они не думали, что Австрия будет сильно переживать относительно окончательной утраты Восточной Галиции, так как многие политические деятели негативно относились к украинцам. Генерал Артур Арц фон Штрауссенберг, например, открыто называл их «нежелательными гражданами». Что касается Людендорфа, то он был еще меньше расположен к украинцам Галиции и более неприязнен к ним. Его раздражала неготовность Австрии отказаться от этой территории. «Осенью 1914 года, – говорил генерал, – никто не желал ничего слышать о «территории свиней». Сегодня также никто не собирается жертвовать хотя бы одним солдатом для возвращения этой территории».

Разумеется, было бы наивно ожидать от дипломата уровня Чернина немедленной уступки без ответных гарантий. Так, 26 апреля Циммерман писал в ставку Верховного командования, что тот поставил немецкого посла в Вене, графа Веделя, в трудное положение, когда настаивал, чтобы любые территориальные требования касались только России. 5 мая 1917 года Ведель вновь информировал о несогласии Чернина с идеей уступки Восточной Галиции – не из какого-то сочувствия украинскому делу, а скорее из-за того, что территориальные потери Австрии выглядели бы весьма значительными в свете перспективы территориальных приобретений Германии в том же регионе. Другая причина несогласия Чернина на окончательный переход Восточной Галиции под власть России состояла в опасении польского противодействия такому шагу. Однако на следующий день Чернин изменил свою позицию и выразил готовность рассмотреть уступку Восточной Галиции, если Австрии будет гарантирована вся Валахия.

Имперский канцлер Бетман Гельвег, внося свой вклад в решения конференции в Кройцнахе, не считал эту программу обязательной. Тем не менее Германия и Австрия рассматривали ее как официальную. Таким образом, нет оснований считать, как это делает Фишер, что различия между взглядами Бетмана и Верховного командования относительно военных целей Германии были минимальными и затрагивали главным образом вопросы стиля и подхода.

Спустя три недели, которые прошли между Первой и Второй конференциями в Кройцнахе, германское правительство не внесло никаких важных изменений в свои планы для восточных территорий. Сообщения о росте «сепаратистских устремлений» в Украине и требованиях автономного правления, более независимого от Временного правительства в Петрограде, видимо, не произвели никакого впечатления на немецких военных и политических

деятелей. 29 апреля 1917 года Людендорф разработал план взаимопонимания с Россией, который содержал следующие пункты:

1. Трехнедельное перемирие с Россией.
2. Невмешательство во внутренние дела России.
3. Германская дипломатическая поддержка России в урегулировании вопроса о проливах.
4. Экономическое сотрудничество между двумя странами; исключение репараций; германская финансовая помощь в ответ на корректировку границ в Курляндии и Литве.
5. Признание Россией независимости Польши. «Основы более существенных мирных условий» Людендорфа от 12 мая 1917 года также лишены каких-либо рекомендаций и планов, касающихся Украины.

Представляет определенный интерес хотя и не имеющая практического значения военная целевая программа, разработанная Вильгельмом II и переданная госсекретарю 13 мая. Это амбициозный план территориальной экспансии за счет образования колоний и наказания всех тех, кто осмеливался противиться Германии. Несомненно, канцлер полагал, что Германия добьется полной победы над всеми недругами, где бы они ни находились. Он даже вынудил бы Соединенные Штаты выплатить 40 млрд долларов контрибуции и вдобавок обеспечить поставку в Германию значительных объемов хлопка, меди и никеля. Однако наиболее любопытным для оценки германских планов по освоению восточных территорий в 1917 году являлся пункт 12 программы кайзера, который гласил: «Польше свободу. Курляндия присоединяется к нам, возможно, в форме автономии. Аналогичное решение для Литвы. Украине, Ливонии и Эстонии – автономия, с правом принимать решение о присоединении к нам позднее». Нет оснований полагать, что этот документ, сам по себе свидетельствующий о психическом состоянии кайзера в данное время, оказал прямое влияние на взгляды германских официальных кругов. Большинство идей, содержащихся в нем, дипломатично игнорировались на последующих конференциях. Очевидно, кайзер никогда не стремился к тому, чтобы программу, предложенную им, официально приняло правительство. Это неудивительно, поскольку, как замечает один из исследователей, кайзер превратился в «почти теньевую фигуру, которая редко выступает с решающим словом на какой-либо конференции».

Вторая конференция в Кройцнахе (совместное австро-германское предприятие) проходила 17—18 мая 1917 года. На этот раз официальным германским лицам не нужно было тревожиться по поводу согласования действий с Австро-Венгрией. Что касается восточных территорий, Вторая конференция подтвердила в основном решения, выработанные на Первой. Большой части Румынии (включая Черноморское побережье) предстояло стать австрийским протекторатом. Немецкий план относительно Польши, Курляндии и Литвы не претерпел изменений. Конференция вновь подчеркнула и даже конкретизировала незаинтересованность Австрии в польских делах и, что особенно важно, воздержалась от малейшего упоминания о прежнем плане передачи Восточной Галиции и Буковины России.

Чем это вызвано? Хотя военная целевая программа кайзера от 13 мая в целом всерьез не воспринималась, возможно, она заставила некоторых германских руководителей взглянуть на Украину по-новому. И даже более важным фактором были, возможно, быстрый развал русской армии на Восточном фронте и постепенная «украинизация» некоторых ее частей. Поскольку Вторая конференция явилась совместным австро-германским предприятием, не удивляет, что немцы предпочли не выносить деликатную тему Украины на открытое обсуждение. В свете вышеперечисленных фактов не представляется неуместным считать Вторую конференцию в Кройцнахе осторожной попыткой возобновить разработку официальными кругами Германии планов в отношении Украины. Хотя они оставались довольно смутными, украинский вопрос стал на долгое время постоянным и важным фактором германской «ост-политик». Что касается Австро-Венгрии, то Чернина и императора Карла вполне удовлетво-

рили итоги Второй конференции в Кройцнахе. В середине июня секретарь по иностранным делам официально уведомил германский МИД, что Вена и Будапешт принимают программу Кройцнаха от мая 1917 года.

Оставались, однако, некоторые нерешенные проблемы. Новый германский канцлер Микаэлис и австрийский секретарь по иностранным делам Чернин теперь стремились найти решение совместно. Среди этих проблем будущее Польши и вопрос о Холме и Восточной Галиции, территориях, которые украинцы непременно потребовали бы в качестве вознаграждения за сотрудничество с центральными державами. Когда состоялась встреча двух лидеров в Вене 1 августа 1917 года, Чернин возражал против такого решения вопроса, мотивируя свое мнение тем, что добровольный отказ от части своих земель ослабил бы всю австро-венгерскую монархию. Однако, по мнению секретаря по иностранным делам, если бы Галиция была во власти Польши, то Австро-Венгрия нисколько не тревожилась бы о том, что происходит в восточной части важной территории.

Между тем другие германские высокопоставленные лица стали проявлять больший интерес к возрастающей силе украинского национального движения. Особенно любопытен меморандум по украинскому вопросу, составленный германским послом в Вене Веделем и направленный Микаэлису вскоре после переговоров немецкого канцлера с Чернином.

«Здесь (в Австрии) проявляют гораздо меньше интереса к украинскому движению, чем в Германии, частью из-за того, что придают ему меньше значения, частью потому, что население меньше ему сочувствует, опасаясь развития ирредентизма среди украинцев Австрии и Венгрии... Для нас (немцев) представляет особый интерес поощрение максимального развития украинского движения, так как очевидно, что рабочий класс России не настолько силен, чтобы поставить страну под свой контроль. Возможно, национальные движения окажутся сильнее. Во всяком случае, нам нужно поддерживать финское и украинское движения. Не знаю, есть ли у нас непосредственные контакты с украинцами. Если нет, украинцы Австрии могли бы послужить посредниками».

Возросший интерес немцев к Украине нашел конкретное отражение в работе Третьей конференции в Кройцнахе, открывшейся 9 августа 1917 года. На нее не пригласили ни одного представителя Австро-Венгрии. Таким образом, конференция представляла собой в первую очередь обмен мнениями между Верховным командованием армии и ведомством имперского канцлера — двумя главными разработчиками внешней политики на данный момент. Верховное командование объясняло узурпацию полномочий двумя причинами — своей «незаменимостью» и ролью «спасителя отечества». Ведомство имперского канцлера, в свою очередь, просто пыталось выполнять, даже если это делалось робко и неохотно, свои конституционные обязанности, наиболее важной из которых являлось осуществление внешней политики.

Кроме того, пункт 12 пространного доклада о Третьей конференции в Кройцнахе заслуживает особого внимания: «Чаяния Украины следует четче обозначить. Движение должно стремиться к спокойному и благожелательному союзу (*аншлюсу*) с нами. *Следует выяснить, может ли Австрия предложить украинцам Восточную Галицию*». Однако следующий параграф документа, касавшийся Польши, по существу, снова откладывал практические шаги немецкой стороны в решении украинского вопроса. Последний же его пункт гласил: «Мы не заинтересованы особо в данное время в отказе Австрии от Галиции».

Третья конференция в Кройцнахе ознаменовала собой полный отказ канцлера Микаэлиса от умеренной военной целевой программы и явный переход к поддержке аннексионистских взглядов Верховного командования. Ему предстояла встреча с Чернином с целью добиться согласия Австрии относительно новых военных целей Германии. Накануне ее (проходила в Берлине 14—15 августа 1917 года) Людендорф счел необходимым напомнить

Микаэлису о программе, принятой 9 августа. В специальной телеграмме канцлеру он вновь назвал главные пункты этого документа, в том числе пункт 12 по Украине.

В стенограмме переговоров Чернин – Микаэлис проблема Украины, собственно, не упоминается как один из вопросов повестки дня, но оба их участника, несомненно, касались ее при обсуждении польского вопроса. Примерно в то же время Чернин, все еще находившийся под впечатлением принятия большинством рейхстага июльской резолюции 1917 года о мире, которая, казалось, создала реальную основу взаимопонимания по важному вопросу, и предпринял попытку объединить польскую проблему с проблемой мира. Он предложил увязать передачу Галиции Польше с отказом Германии от Эльзаса и Лотарингии. Это предложение Микаэлис счел неприемлемым.

В целом восточная политика Микаэлиса оставалась довольно нерешительной и неясной. Что касается проблемы пограничных государств, то он попросту предлагал провести «аннексию территорий бывшего противника в том случае, если они станут автономными и выразят желание сосуществовать с нами как самостоятельные дружественные государства, связанные с нами лишь военными и экономическими узами».

Последующие месяцы внесли мало изменений в «остполитик» Микаэлиса. Большая часть этого времени была потрачена на составление ответов на мирные предложения папы, так же как и обсуждение вопроса о будущем Бельгии, игравшего существенную роль в любой программе достижения всеобщего мира. Только в конце октября 1917 года некоторые германские высокопоставленные лица стали обращать внимание на недооценку официальными кругами вопросов, связанных с Украиной. Одним из них был генерал Пауль фон Бартенвеффер, глава политического департамента германского Генерального штаба, который считал поддержку Германией национальных чаяний украинцев наилучшим средством ослабления России: «Продвижение России к проливам и Константинополю остановится только тогда, когда они оба окажутся в ее руках или когда Россия будет отброшена за пределы Украины. Только после образования независимой Украины можно надеяться на установление постоянного мира на Балканах. Только тогда балканские народы освободятся от интриг русского покровителя, и только тогда будет обеспечена безопасность маршрута Берлин – Багдад. Следовательно, украинская борьба за независимость столь же важна для Болгарии и Турции, сколь и для нашей собственной будущей политики на Балканах». Независимая и сильная Украина, далее в своем меморандуме доказывал генерал Бартенвеффер, поможет также сдерживать Польшу. (Эта идея относительно будущей Польши с использованием независимой Украины была не нова, но она редко упоминалась в официальных германских документах. Гораздо более важную роль она играла в сознании немцев во время и после переговоров в Брест-Литовске в 1918 году.)

Трудно оценить влияние, которое, возможно, оказывали в то время такие идеи на разработку официальных германских планов, касающихся восточных территорий. На австро-германской конференции, работавшей 6 ноября 1917 года и специально созванной для пересмотра соглашений Кройцнаха, Чернин предложил вернуться к австро-польскому решению и никак не упомянул украинскую проблему. Однако официальные германские «Тезисы к переговорам о сепаратном мире с Россией» предусматривали, что «России следовало согласиться на уступку следующих регионов: Польши, Литвы и Курляндии, которые уже воспользовались своим правом на самоопределение. *Если другие народы России выразят желание стать автономными или независимыми, России и Германии придется признать их независимость*»². Совершенно очевидно, что под «другими народами России» подразумевались прежде всего финны и украинцы. Немецкий посол в Вене Ведель после обсуждения вышеупомянутых «Тезисов» с Чернином послал 16 ноября 1917 года Кюльману, новому герман-

² Текст выделен курсивом позднее.

скому госсекретарю по иностранным делам, сообщение следующего содержания: «Чернин не устает подчеркивать важность поддержки украинского движения и в принципе согласен с точкой зрения Вашего превосходительства. Однако в данный момент он вынужден оставаться сдержанным и осторожным в своих обещаниях из-за необходимости обеспечить полную поддержку участникам переговоров в Брест-Литовске».

Учитывая финансовую поддержку рейхом большевиков и других российских группировок социалистического толка в первые три года войны, оказание немцами помощи в возвращении Ленина в Россию через месяц после краха старого режима, продолжение финансирования его борьбы весь 1917 год, хочется сделать вывод, будто большевистский переворот в ноябре немцы приветствовали даже с большим энтузиазмом, чем Февральскую революцию. Падение Временного правительства в Петрограде, несомненно, нанесло урон силам в России, ориентировавшимся на Антанту, и приблизило страну к полному военному поражению, для которого немцы так много сделали с начала войны. Но даже в данном случае шансы на мир на Востоке оставались неопределенными, и, вероятно, по той же причине вслед за большевистским переворотом германская финансовая помощь резко увеличилась. Например, 9 ноября 1917 года министерство финансов рейха «выделило еще 15 млн марок на осуществление политических целей в России» и примерно в то же время перевело еще 2 млн марок в германское консульство в Стокгольме «на известные цели».

Между тем большевики, призывая к всеобщему миру, с самого начала не делали секрета из того, что он должен быть основан на требованиях «без аннексий и контрибуций», а этого немцы не могли принять. Более того, их положение ни в коей мере нельзя было назвать прочным, и они пользовались в стране ограниченной поддержкой. Это обстоятельство, а также общий хаос, царящий в расположении русских войск за линией фронта, и имеющиеся сомнения относительно реальной мощи украинского и других национальных движений – все это объясняло отсутствие четкости в германских планах на восточных территориях в те недели, которые предшествовали началу переговоров в Брест-Литовске.

Такая нерешительность особенно просматривается в германских планах в отношении Украины. Людендорф в «Основах переговоров с Россией», разработанных в начале декабря 1917 года, подчеркивал необходимость аннексии Литвы и Курляндии, а также создания независимой Польши, «приверженной центральным державам». Далее он требовал, чтобы Россия ушла из Финляндии, Эстонии, Ливонии, Молдавии, Восточной Галиции и Армении, но не упоминал Украину в целом. В том же документе генерал рекомендовал МИД дать обнадеживающий ответ на возможный запрос русских о союзе с Германией и пригласить их без промедления на переговоры по заключению соответствующего соглашения.

Кюльман в это время был настроен даже более решительно, чем генерал Людендорф, против активной и открытой поддержки рейхом украинского движения. На совещании политического и военного руководства Германии, состоявшемся 7 декабря в ведомстве имперского канцлера, Кюльман высказался довольно скептически о возможности окончательного отделения прибалтийских провинций от России, а также счел невозможным и нежелательным отделение Украины от России. Без всяких экивоков он предупредил генералитет об опасностях, которые могла таить подобная политика. «Если бы мы настаивали на создании новых государств на Востоке, – говорил он, – это стало бы политическим решением с очень далеко идущими последствиями. Сильная Россия вскоре возобновит экспансию на Запад и вступит в конфликт с этими государствами».

Другие германские высокопоставленные лица, как и Кюльман, проявляли осторожность в вопросе возможного использования украинского движения в качестве средства для полного прекращения войны на Востоке, а также реализации долговременных планов установления «нового порядка» в этой части Европы. Не все сообщения об объединении украинских политических сил обнадеживали. Доклад о национальном движении среди разных

народов бывшей царской империи, подготовленный в середине декабря 1917 года высокопоставленным сотрудником германского МИД (он обозначен как «фон Р.». Возможно, Фридрих Ханс фон Розенберг), вызывал сомнения в реальной силе украинского сепаратистского движения.

8 нем содержалось предостережение против слишком больших ожиданий, связанных с этим движением. В докладе был дан прогноз о том, что нерусские народы сыграют весьма важную роль в дальнейшем развитии событий в России. В нем также предсказывалось, что единство России будет сохранено. В этом документе содержался настоятельный призыв: учитывать данные перспективы в будущем политическом планировании.

Примерно в то же время представитель германского МИД при ставке Верховного командования Курт фон Лерснер подготовил довольно обстоятельный доклад о последних национальных выступлениях в Украине, который он передал по инстанциям 16 декабря 1917 года. В нем автор остановился на «украинизации» Юго-Западного фронта, попытках агентов Антанты установить тесные контакты с Центральной радой, а также нарастании конфликта между Киевом и Петроградом. Весьма примечательно то, что он не предлагал противостоять активности Антанты в Украине или использовать в своих целях расширяющийся раскол между Радой и большевиками. Нет никаких доказательств того, что в те недели, которые предшествовали открытию переговоров в Бресте, ведущие политики Германии рассматривали возможность заключения сепаратного мира с Украиной или что они считали такой шаг желательным, хотя отдельные их представители в разное время предлагали это.

Накануне отъезда Кюльмана в Брест-Литовск немцы предприняли новую попытку разработать план, касающийся восточных территорий. 18 декабря состоялось еще одно заседание Совета короны в Кройцнахе под председательством кайзера. Это мероприятие, как другие, не дало желаемых результатов. Планы Германии относительно Польши и прибалтийских территорий остались без изменений. Для других восточных территорий просто была принята неконкретная и довольно непонятная формулировка. Суть ее заключалась в разрешении национальным территориям, которые до войны не пользовались суверенитетом, слиться с тем или иным государством или провозгласить собственную независимость.

Таким образом, госсекретарь по иностранным делам Кюльман отправился в Брест-Литовск без конкретного плана по Украине. Заключенный 9 февраля 1918 года сепаратный мир с Украиной отнюдь не явился логичным и неизбежным результатом тщательно разработанной германской программы, над составлением которой, как часто полагали, германские руководители работали с начала войны. Он стал результатом обыкновенной поспешной импровизации. Будучи принятым, сепаратный мир вынудил германских политиков все оставшееся время до конца 1918 года заниматься поисками конкретной программы, которую можно было бы назвать «остполитик» рейха.

Глава 4

Договор с Украиной в Брест-Литовске

Сейчас имеется большой объем специальной литературы, касающейся договора в Брест-Литовске, и это в дополнение к упоминаниям данной темы во многих исследованиях, посвященных Первой мировой войне в целом. Однако обстоятельное рассмотрение обычно касается германо-русского договора, заключенного 3 марта 1918 года. Соглашение с Украиной, подписанное почти на четыре недели раньше, чем с Россией, как правило, упоминается вскользь, одним-двумя предложениями, или игнорируется вовсе.

Предлагаемый ниже анализ поэтому касается договора с Украиной, заключенного 9 февраля 1918 года, который действительно заслуживает названия «забытый мир». Переговоры, ведущие к заключению этого договора, следует рассматривать как процесс, в ходе которого германские планы, касающиеся восточных территорий, постепенно и неуверенно приобретали более конкретный вид.

Поскольку Совету короны не удалось 18 декабря 1918 года выработать определенную программу по восточным территориям, не говоря уже о конкретных планах, касающихся Украины, германская делегация на мирных переговорах во главе с Кюльманом отбыла в Брест-Литовск 20 декабря с простой целью: вести переговоры о мирном договоре с Россией, как с единым государством. Через заключение быстрого мира с Россией следовало решить важные задачи: 1) обеспечить переброску дополнительных войск на Запад для «решительного наступления» и 2) обеспечить Германию продовольствием и сырьем за счет восточных территорий, с тем чтобы облегчить тяжелое положение страны, вызванное плотной блокадой союзников. Продовольственный вопрос в Германии в это время стоял очень остро, хотя не до такой степени, как в Австрии. Интересно, что с заключением перемирия 15 декабря на Восточном фронте немцы выражали надежду на получение 1 млн т зерна от советского правительства и даже послали соответствующую делегацию в Петроград для переговоров по этому поводу. Именно такое количество зерна украинская сторона обязалась поставить центральным державам по условиям мирного договора.

Между тем германское руководство безучастно наблюдало за событиями, происходящими в Украине. 14 декабря 1917 года, за день до подписания перемирия на Восточном фронте, Фридрих фон Розенберг, основной помощник Кюльмана в Бресте, проинформировал МИД о стремлении представителей Центральной рады прибыть в Брест-Литовск для участия в переговорах. Вначале большевики не позволили украинской делегации пересечь линию фронта, «поскольку они не смогли прибыть в Брест вовремя».

Двумя днями позже советское правительство заявило, что оно разрешило украинцам проследовать в Брест, но немецкая сторона никак не отреагировала на это решение, хотя у представителей рейха они вызвали интерес, раз те прибыли на место переговоров. Генерал Гофман не согласился, чтобы украинская сторона присоединилась своими подписями к соглашению о перемирии, пояснив, что оно заключается «во благо всей России». Призывы австрийцев «не флиртовать» с украинцами из-за возможного негативного его влияния на поляков и другие народности монархии» немцы проигнорировали. Члены делегации рейха в Бресте в частных разговорах с украинцами не утаивали свое сочувствие украинскому делу. Они подчеркивали совпадение во многом интересов двух народов.

Тот факт, что представители Рады присутствовали в Брест-Литовске с 16 декабря неофициально, а 19 декабря участвовали «с согласия делегации России как представители независимой Украинской республики» в русско-германских переговорах по военнопленным, ставил перед немецкой стороной вопрос, каким образом использовать новый фак-

тор в предстоящих мирных переговорах. 17 декабря генерал Людендорф сделал запрос в МИД относительно «руководящих принципов» в подходе к украинской проблеме. В качестве ответа госсекретарь Гилмар фон дем Буше-Хадденгаузен подготовил довольно обстоятельный меморандум по украинскому вопросу. Буше выражал озабоченность в связи с оппозицией Рады советскому правительству, опасаясь, что это может уменьшить шансы на мир на восточных территориях, а также свести на нет усилия украинцев по созданию независимого государства, «поскольку представляется сомнительным, найдется ли иное русское правительство, кроме большевистского, которое признает независимость Украины». Позже Розенбергу порекомендовали передать украинской стороне следующее послание: «У Германии нет никаких намерений вмешиваться во внутренние дела России или Украины, но, как только стороны урегулируют свои разногласия, мы будем готовы официально признать независимость Украины в любое время и попросить своих союзников последовать нашему примеру. Что касается участия украинцев в текущих мирных переговорах, то мы не возражаем, при условии отсутствия у России обиды, иметь с ними дело как с представителями независимой державы, равнозначной России, и позволить им присоединиться к недавно заключенному соглашению о перемирии».

Официальная делегация Рады появилась в Брест-Литовске 1 января 1918 года. Рада решила послать свою делегацию в Брест 28 декабря 1917 года исключительно по собственной инициативе после продолжительных и жарких дебатов. В состав делегации входили Мыкола Любыньский, Мыкола Левыцкий, Олександр Севрук, М. Полозов и Всеволод Голубович. Каждому из них не было и тридцати лет. Даже главе делегации Голубовичу, занимавшему тогда пост министра Рады по труду и промышленности, а впоследствии ставшему главой правительства, только исполнилось двадцать семь. Судьбоносному решению Рады предшествовала радиопередача от 28 декабря 1917 года, в которой было озвучено «Мирное послание ко всем нейтральным и воюющим странам». В нем содержалось требование Рады предоставить ей право быть официально представленной на переговорах в Брест-Литовске – требование, которому центральные державы охотно уступили через два дня. Таким образом, решение Рады не было результатом какой-то «уловки» или интриги немцев, как это часто подносится даже в некоторых фундаментальных исследованиях западных ученых. Оно явилось прежде всего следствием недоверия Рады к большевикам.

Неприкрытая враждебность большевиков к «буржуазно-националистическому» режиму в Украине привела к полному разрыву между Петроградом и Киевом и первой попытке большевиков навязать Украине волю Советов при помощи военной силы. Быстрота, с которой действовали большевики, вскоре убедила Раду в необходимости решительных и смелых действий со своей стороны. 17 декабря был опубликован советский ультиматум Раде. 20 декабря Киев официально отверг его, после чего большевики объявили состояние войны с «контрреволюционным» режимом Рады.

Между тем украинские большевики, неспособные составить сколько-нибудь серьезную оппозицию Раде в советском Киеве, перебрались в Харьков (здесь они могли установить прямой контакт с русскими товарищами на севере) и объявили Раду распущенной, а 26 декабря 1917 года провозгласили Украинскую Советскую Республику. Это был между тем первый подобный шаг Советов, и такой прием впоследствии не раз использовался большевиками в ходе Гражданской войны, а также после Второй мировой.

Никого из руководства Рады нельзя было рассматривать в качестве сторонника Германии или Австрии, в то время как некоторые члены секретариата Рады (кабинет министров) были хорошо известны своими симпатиями к Антанте. В течение многих недель до принятия Радой решения отправить свою делегацию в Брест-Литовск в Киеве активно действовали французские и британские агенты. Париж пошел так далеко, что предоставил правительству Рады субсидию 50 млн в рублях с целью удержать Украину в сфере своих интересов.

Одним из руководителей Рады, делавшим в то время все возможное для проведения курса, ориентированного на союзников, был секретарь по иностранным делам Украины Александр Шульгин (он предпочитал писать свое имя по-французски).

Архивы германского МИД, как и другие источники того времени, не содержат никаких свидетельств активности немецких агентов в Украине, а также прямых контактов между Радой и представителями германского правительства или армии. Союз освобождения Украины, игравший прежде столь важную роль при разработке немецких планов в отношении Украины, оказался неспособен и не готов прямо повлиять на украинско-германские отношения на данном этапе. Он по-прежнему делал упор на работу среди военнопленных в Германии и Австро-Венгрии и не принимал никакого участия в мирных переговорах в Бресте.

Известно, что немцы приветствовали присутствие украинцев в Бресте в основном потому, что надеялись использовать данный факт для оказания давления на советскую делегацию и, возможно, принуждения ее к принятию условий центральных держав. Однако прибытие украинской делегации осложнило ситуацию не только для графа Чернина, который не без оснований опасался серьезных ирредентистских требований с ее стороны, но и для немцев. Германии приходилось определить, поддерживать ли идею единой и неделимой России или сотрудничать с представителями нерусских народностей, которые организовались в самостоятельные политические общности, воспользовавшись наступившим после Февральской и Октябрьской революций хаосом. Выбор любого курса таил в себе важные, далеко идущие преимущества и недостатки. Компромисса между двумя решениями не существовало.

1 января 1918 года Людендорф послал генералу Гофману документ под названием «Предложения и рекомендации», в котором советовал последнему не разрешать Украине выступать за Румынию, поскольку Украина не являлась самостоятельным государством, с которым Германия будет вести дела отдельно. Далее он предлагал удовлетворить украинские требования в отношении Австро-Венгрии и Польши частично. Наконец, он спрашивал мнение Гофмана относительно того, должны ли немцы вести переговоры с украинцами отдельно или вместе с большевиками. В тот же день Кюльман на встрече с депутатами рейхстага сообщил им, что отношения с автономными территориями России не игнорируются. Он выразил уверенность в том, что немцы смогут вести переговоры одновременно с этими «автономными общностями», особенно крупнейшей и наиболее важной из них – Украиной.

Несмотря на рекомендации Людендорфа и Кюльмана об удовлетворении украинских требований за счет Австро-Венгрии, Совет короны на встрече 2 января 1918 года в берлинском замке Беллевию не смог выработать четкий план по Украине. Проблема Польши продолжала доминировать на переговорах. Что касается общего плана действий для восточных территорий, то решили не возвращать России территории пограничных государств, созданных по немецкую сторону линии фронта.

4 января 1918 года Кюльман вернулся в Брест-Литовск с безрезультатного заседания Совета короны в замке Беллевию, которое закончилось ничем. Узнав о вступлении Розенберга и Гофмана в предварительные переговоры с представителями Рады, Кюльман немедленно запросил дальнейших инструкций у канцлера. Эти предварительные переговоры с украинцами начались с одобрения Чернина, но без его участия. Только на этом этапе ответственные официальные высокопоставленные лица Германии стали относиться серьезно к возможности заключения сепаратного мира с Украиной, хотя и были еще далеки от уверенности, что украинцы согласятся с таким предложением. В то время как заместитель госсекретаря Буше высказывался за возможность заключения альянса с Радой, Рицлер в письме из Брест-Литовска накануне начала сепаратных переговоров с делегацией Киева несколько пессимистично констатировал: «Неопределенная ситуация делает дальнейшую отсрочку переговоров (переговоров о мире) крайне опасной. Если бы только нам удалось установить связь с Украиной».

Через два дня после предварительных переговоров с официальной украинской делегацией (4–5 января 1918 года), о которых немцы отзывались как о «дружественной подготовительной дискуссии, не дававшей возможности извлечь никакой выгоды», 6 января начались официальные переговоры с представителями Рады с участием всех четырех делегаций центральных держав. Канцлер Хертлинг расценил переговоры как событие большой важности, которое значительно усилит позицию Германии в Бресте. Однако фельдмаршал фон Гинденбург просто заметил, что «создание государства в Украине, очевидно, уменьшит польскую угрозу для Германии», хотя он не считает, что германской империи следует опереться в обеспечении своей безопасности на этот новый фактор». Кюльман согласился с канцлером в том, что нужно без промедления укреплять взаимопонимание с украинцами. Однако он считал украинцев «слишком хитрыми» и предупреждал, что с ними следует обращаться весьма осторожно, «потому что иначе они могли получить впечатление, что мы нуждаемся в них в игре против петербуржцев, и продолжать требовать от нас невозможного». Генерал Людендорф тоже одобрил украинско-германское сближение и предложил послать в Киев специальную комиссию для ведения прямых переговоров с Радой по различным экономическим и финансовым вопросам. Но на этом этапе никто не пошел дальше Диего фон Бергена из МИД, который давно занимался украинской проблемой и отстаивал создание самостоятельного украинского государства при помощи Германии. Он призывал к достижению быстрой договоренности с Украиной и втягиванию ее как можно глубже в орбиту немецкого влияния.

Между тем австрийцы отнеслись еще более осторожно к перспективам тесного сотрудничества между Киевом и Веной. В целом пропагандистское наступление Австро-Венгрии на восточные территории должно было осуществляться следующим образом: Австрия солидаризировалась с усилиями украинцев по созданию независимого государства, но форма государственного устройства Украины и ее отношения с Россией оставались внутренним делом нового государства, в которое Вена не собиралась вмешиваться. Рада именовалась «временным украинским режимом». Необходимость всеобщего мира на восточных территориях считалась первоочередной. Разумеется, министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Чернин, которому вскоре пришлось вступить в прямые переговоры с украинцами, не мог держаться такой абсолютно беспристрастной формулы долго.

Несмотря на взаимное согласие германских военных и гражданских руководителей относительно желательности достижения договоренности с Украиной, они воздерживались от полного признания делегации Рады, хотя немцы пошли на это во время прибытия украинской делегации в Брест. Ирония состоит в том, что Троцкий признал право посланцев Рады участвовать в переговорах в качестве отдельной делегации независимого государства за два дня до аналогичного признания центральных держав. Троцкий сделал это 10 января 1918 года на пленарном заседании мирной конференции. Согласно Уиллеру-Беннету, именно Кюльман «подвел Троцкого к признанию делегатов украинской Рады». Однако в присутствии члена украинской делегации Олэксандра Севрука Троцкий связал это признание с надеждой сохранения «единого фронта» с украинцами против центральных держав. Эта надежда Троцкого была не вполне оправданной. В то время позиция Рады еще не определилась четко. Украинцы и русские вели переговоры в попытках свести разногласия между собой к минимуму. Официальная советская историография между тем отнеслась весьма критично к признанию Троцким делегации Рады, представляя его наивной жертвой или даже инструментом германского империализма.

Немцы признали украинскую делегацию только после ее угрозы покинуть Брест-Литовск. Заявление об официальном признании сделал 12 января 1918 года граф Чернин (который больше всех других нес ответственность за задержку с этим актом) от имени всех центральных держав. Центральные державы пошли дальше Троцкого в официальном признании Рады, заявив, что украинское государство является полностью независимой

политической общностью. (Официальное признание украинского государства вступало в силу, однако, только после подписания мирного договора.) Комментируя этот шаг Германии через несколько месяцев, канцлер Хертлинг дал совершенно ясно понять, что скорее немецкая нерешительность, нежели какое-нибудь правовое соображение, объясняла неготовность совершить полное признание полномочий украинской делегации.

Хотя официальные переговоры между представителями центральных держав и делегатами Рады начались 6 января 1918 года, лишь на встрече 13 января, на которую не были допущены советские представители, украинцы вручили центральным державам точный список своих требований. Их требования уважения принципа самоопределения, равно как установления всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций, не встретили у немцев возражений. Иначе они отнеслись, однако, к другим украинским требованиям, например передаче Украине района Холма или требованию самоопределения украинцев Восточной Галиции, Северной Буковины и Карпатской Рутении (позднее получившей известность как Карпатская Украина). Фактически это означало, что эти австро-венгерские провинции тоже должны были отойти к Украине. Граф Чернин решительно отверг все территориальные требования, расценив их как вмешательство во внутренние дела Австрии. Такую же позицию заняла Германия, хотя она выражала готовность удовлетворить украинские претензии на Холмскую область. Последовали другие встречи с украинцами, австрийцы и немцы начали понимать, что делегаты Рады представляли собой более жестких переговорщиков, чем казалось раньше. «Их хитрость и крестьянское лукавство, – сообщал из Брест-Литовска Розенберг, – не облегчают здесь наше положение». Кюльман также жаловался на «неумеренные требования» украинцев и писал имперскому канцлеру, что, если даже возможность заключения соглашения с большевиками выглядит весьма туманной, необходимо продолжать переговоры с ними, иначе украинцы выдвинут новые требования. Кюльман быстро понял, что на этой стадии переговоров присутствие русской делегации в Бресте было крайне необходимым для оказания давления на украинскую и сдерживания первой. По этой причине, главным образом, он и генерал Гофман не последовали совету Гинденбурга предъявить русским ультиматум. Они были готовы сделать это только после гарантированного соглашения с украинцами. 16 января 1918 года Верховное армейское командование получило от «надежного источника» секретное сообщение, что Троцкий не собирался заключать мирный договор, но просто хотел продлить переговоры.

Между тем сепаратные и приватные встречи между делегатами Рады и представителями центральных держав продолжались. Украинской делегации на руку были вести об отчаянном продовольственном положении в Вене, которые поступили в Брест-Литовск в середине января. Ее члены знали о готовности Чернина уступить, поскольку он получил срочное распоряжение императора Карла заключить какое-нибудь мирное соглашение по восточным территориям без промедления. Заслуга в осведомлении украинцев в Бресте относительно всех событий, происходивших в Австро-Венгрии, принадлежит барону Мыколе Васылько, украинскому депутату австрийского парламента, который имел тесные связи с представителями правящих кругов Вены.

Но и положение Рады стало более затруднительным из-за серьезной угрозы вторжения большевистских сил с севера под командованием Владимира Антонова-Овсеенко. Потребность заключения мира с центральными державами становилась настоятельной. В дальнейшем Рада отказалась 18 января настаивать на передаче Украине территорий Восточной Галиции и Северной Буковины, населенных преимущественно украинцами. Она просто попросила, чтобы эти территории были преобразованы в отдельную провинцию (землю короны), остававшуюся под управлением Вены. Однако в то же время Рада рекомендовала своей делегации, чтобы та не отступала от своих требований в отношении территории Холма. Чернин столь энергично отверг украинское требование о присоединении к украин-

ской земле короны в границах Австро-Венгрии «венгерской» провинции Карпатская Рутения, что украинцы больше не посмели поднимать этого вопроса.

О своем затруднительном положении украинские власти почти сразу довели до сведения представителей Германии и Австрии. На следующей встрече (в субботу утром 19 января) Чернин согласился принять компромиссную формулу, предложенную украинской стороной, но потребовал быстрого заключения мирного договора, а также настаивал на определении даты его подписания. Вначале он предложил в качестве предельного срока 30 января, затем – 15 февраля, но украинцев это не устроило. Однако на послеобеденном заседании того же дня решили выпустить совместное «сообщение о прогрессе» в мирных переговорах. Центральные державы и Украина издали 20 января полуофициальное коммюнике, констатирующее достижение согласия по фундаментальным вопросам мирного договора. Сообщалось также, что переговоры возобновятся после короткого перерыва. Никто лучше графа Чернина не представлял себе подлинную суть соглашения и роковые последствия, которые оно могло иметь для Австро-Венгрии. Однако он полагал, что альтернативы соглашению нет, поскольку, как отмечал император в ноте от 17 января 1917 года, «судьба монархии и династии целиком зависит от скорейшего заключения мира в Брест-Литовске... если в Бресте не будет заключен мир, революция здесь неизбежна». Именно на этом этапе Чернин горько жаловался на свое трудное положение. Он писал в дневнике: «Украинцы больше с нами не общаются, они диктуют».

И все же сепаратный договор с Украиной был еще далек до подписания. Следовало получить окончательное согласие от каждого правительства, и, имея это в виду, делегации договорились на временный перерыв в переговорах, а 20 января разъехались по своим столицам.

Задача Чернина состояла в преодолении сопротивления со стороны поляков и венгров. К счастью для него, сложность внутреннего положения в Австрии ослабила их критику договора с Украиной. На специальном заседании 22 января в Вене под председательством императора Карла Чернину дали необходимую санкцию на заключение соглашения с украинской делегацией.

Задача украинской делегации состояла не в том, чтобы бросить вызов оппозиции в Раде (которая на этом этапе считала договор с центральными державами абсолютно необходимым для избавления Украинской республики от полной оккупации большевиками). Делегация решала практическую проблему прибытия в Киев вовремя, чтобы застать там правительство Рады, а затем возвратиться в Брест-Литовск. Ведь на обратном пути из Киева украинских делегатов остановили красногвардейцы. Возможно, украинцы никогда бы не увидели Брест-Литовск снова, если бы не имели с собой листок бумаги с санкцией на их переговоры с делегатами Советской Украины из Харькова, которые вместе с Троцким ожидали в Бресте возобновления переговоров. После четырехдневного путешествия на расстояние двухсот миль, буквально рискуя своей жизнью, украинские делегаты, наконец, прибыли 1 февраля в Брест. Они привезли с собой санкцию на заключение сепаратного мира с центральными державами, а также весть о провозглашении полной независимости Украины, свершившемся в Киеве 22 января 1918 года посредством документа, получившего известность как Четвертый универсал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.